

К $\frac{9}{K-96}$

А 72491

Е. Н. КУШЕВА

**ХОЗЯЙСТВО САРАТОВСКИХ ДВОРЯН ШАХМАТОВЫХ
В XVIII ВЕКЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1929

Спр. фонд

К 34
К 9
А 72491
Е. Н. КУШЕВА

**ХОЗЯЙСТВО САРАТОВСКИХ ДВОРЯН ШАХМАТОВЫХ
В XVIII ВЕКЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1929

Лар проф. Д. С. Р. АКАДЕМИИ НАУК

947
ПОДАЦИЕН
X-69

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1929.

BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS

Classe
des Humanités

Отделение
Гуманитарных Наук

105

ХОЗЯЙСТВО САРАТОВСКИХ ДВОРЯН ШАХМАТОВЫХ В XVIII ВЕКЕ

Е. Н. КУШЕВОЙ

(Представлено академиком С. Ф. Платоновым в заседании Отделения Гуманитарных Наук
10 апреля 1929 года)

Часть первая

Повышенный интерес к изучению крепостного хозяйства XVIII — XIX вв. выразился в последние годы в появлении ряда статей, построенных на материалах отдельных дворянских архивов. Но если вотчинные архивы крупных земельных магнатов, как Шереметевы, Юсуповы, Куракины, дошли до нас в хорошей сохранности, то случаи спасения архивов рядового провинциального дворянства значительно более редки. Это и заставляет ценить фамильный архив саратовских дворян Шахматовых, в семье которых бережливое отношение к фамильным документам было, видимо, давней традицией, тянувшейся через ряд поколений и подкреплявшейся историческими интересами таких ее членов, как историк Саратовского края А. И. Шахматов и академик А. А. Шахматов. Перед революцией Шахматовский архив был уже обширным собранием документов, начинавшихся с конца XVII в. и доходивших до самого последнего времени. По месту хранения он делился на два собрания — «Губаревский» и «Хмелевский» архивы, находившиеся в д. Губаревке и с. Хмелевке Саратовского уезда. Часть Губаревского архива погибла во время революции, часть сохранилась и находится сейчас в рукописном отделе библиотеки Нижневолжского областного научного общества краеведения в Саратове. Из одиннадцати сохранившихся картонов архива к XVIII в. относятся два, заключающие около 300 документов. Они и послужили мне основным источником при изображении хозяйства Шахматовых XVIII в. Судьба Хмелевского архива была более печальна. Сын А. И. Шахматова, В. А. Шахматов, вывез его из Хмелевки в Ленинград и сдал на хранение в Корзухинские склады. Во время революции разрозненные остатки Хмелевского архива попали оттуда в различные хранилища Ленинграда — Рукописное отделение Публичной

ИЗДАТЕЛЬСТВО
БИБЛИОТЕКА
Саратовского
Университета
А 42491

Проверка 88

стр. 95

библиотеки, Вотчинную секцию Центрархива, архив Историко-бытового отдела Русского музея. Большинство старых документов Хмелевского архива погибло. К счастью, некоторые из них были напечатаны ранее в книге А. И. Шахматова и в Трудах Саратовской ученой архивной комиссии,¹ другие сохранились в копиях у Е. А. Шахматовой-Масальской-Суриной, сестры академика, которая с величайшей готовностью предоставила мне все имеющиеся у нее материалы по истории рода Шахматовых: описи Губаревского и Хмелевского архивов, отчасти восполняющие их утраченные части; написанную ею по фамильным документам и преданиям «Семейную хронику»; материалы, собранные В. А. Шахматовым в б. Московском архиве министерства юстиции, и все старинные документы.² Материалы фамильного архива оказалось возможным пополнить сведениями из архивов местных саратовских учреждений — саратовского магистрата, саратовских палат гражданского и уголовного суда,³ саратовской казенной палаты, архива саратовского дворянства, Низовой соляной конторы⁴ и учреждений — столичных — Вотчинного архива, калмыцких дел Коллегии иностранных дел, Камер-коллегии и некоторых других.⁵ Многими дополнениями из разнообразных источников я обязана проф. П. Г. Любомирову и членам исторического кружка при Нижневолжском обществе краеведения, в котором эта статья была заслушана, как одна из серии статей, посвященных дворянскому хозяйству XVIII в.

Так собрался довольно обширный материал о саратовских Шахматовых. Нельзя однако думать, что он отражает их хозяйство за XVIII в. с должной полнотой. Большинство документов шахматовского архива XVIII в. составляют документы, удостоверяющие права на владение — купчие, владенные указы, которые не дают сведений о внутренней организации хозяйства. Лишь для последней четверти XVIII в. есть документы чисто хозяйственного содержания. Но все же эволюцию хозяйства саратовских Шахматовых с конца XVII в. по начало XIX в. оказалось возможным построить, и она не лишена любопытных черт.

¹ А. И. Шахматов. Исторические очерки г. Саратова, Саратов, 1891, стр. 170 — 71. Тр. Саратов. уч. арх. ком., вып. 20, 28, т. IV, вып. 2.

² В дальнейшем при пользовании документами перечисленных частей Шахматовского архива я не делаю на них ссылок.

³ Древлехранилище Московского центрального исторического архива.

⁴ Саратовский Крайархив.

⁵ Древлехранилище МЦИА. В дальнейшем, при ссылках, я не делаю указаний на место хранения перечисленных фондов.

Прежде чем приступить к теме статьи, я должна дать очерк семьи Шахматовых и служебного положения ее членов, которым разъясняются некоторые черты их хозяйственной деятельности.

Происхождение рода Шахматовых не удастся установить точно. Они, видимо, не имели отношения к роду татарских князей Шихматовых или Шахматовых, потом Ширинских-Шихматовых, и не отличались ни знатностью происхождения, ни высоким служебным положением, почему и не попали в большинство генеалогических сборников. В XVII в. известно несколько ветвей Шахматовых — Костромская, Переяславль-Залесская, Курмышская, Кашанская, Можайская, Козловская, Тамбовская, родственные связи которых не ясны. Из них лишь члены Переяславль-Залесской ветви достигают придворного чина «постельного истопника», который держится в их семье в течение всего XVII в. и в XVIII в. заменяется званием камер-лакея. Остальные Шахматовы — провинциальные дети боярские.¹

Саратовские Шахматовы ведут свое происхождение от Шахматовых — курмышан, связавшихся по службе и поместьям с Симбирским и Алексинским уездами. Кажется от той же курмышской линии происходил и свияжский жилец, терский годовальщик, сын боярский Григорий Шахматов, который в 1614 г. был послан терским воеводой в Кумыки и Кабарду объявлять о воцарении Митаяла, в том же году провожал в качестве пристава в Москву посла кумыцкого князя Гирей и купчину кизылбашского шаха Аббаса с дарами и многими товарами, а в следующих 1615 — 16 гг. ездил гондом в Испогань к шаху с царской грамотой о грузинской земле. Курмышские Шахматовы уже с начала XVII в. связываются по службе с Нижним Поволжьем. Курмышанина сына боярского Кондратья Шахматова, имевшего поместье в Имзинском ст. Курмышского у., в д. Шахматовой-Шеховское (в других случаях — Шехонское, Шахонское), на речке Васильевке, мы находим в 1615 г. в Царицыне, где воевода Соловцов возобновляет острог после смуты. Шахматова посылают из Царицына в Астрахань проводить человека кизылбашского купчины с товаром.² По

¹ Русская Историческая Библиотека, т. XXIV. Донские Дела, кн. 2, № 74; Холмогоровы. Исторические материалы о церквах и селах XVI—XVII ст., вып. 10, стр. 221—22; Чтения в Обществе истории и древностей российских (ОИДР) за 1901 г., кн. 2; А. Бобринский. Дворянские роды, ч. II, СПб. 1890, стр. 177; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, т. I, 1872, стр. 23, 45, 47, 266.

² Акты Исторические, III, № 19; Труды Вост. отделения Русского археол. общества т. XXII. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. III, стр. 11, 257 — 258.

сведениям В. А. Шахматова, которые мне не удалось проверить, дети этого Кондратя — Лукьян и Григорий, может быть, тот же Григорий свияженин, — в начале 20-х гг. XVII в. уже служили по Саратову, сохраняя поместья в Курмышском уезде: в 20-х гг. за Лукьяном в Шахматове-Шеховском числилось 210 четв. в поле, да примерной земли 44 четв., всего 254 четв., которые в 1656 г. достались по наследству его сыну Андрею с 32 крестьянскими дворами. Рядом, на той же речке Васильевке, в д. Васильевка Савиновское близкие родственники Кондратьевичей («братья»), Григорий и Иван Васильевичи Шахматовы, имели поместья в 250 четв., да примерной земли 18 четв., крестьянских и бобыльских жилых и пустых 21 двор.¹

Более определенные известия о Шахматовых в Саратове относятся ко 2-ой половине XVII в. Из линии Васильевичей по Саратову служил Петр (Федорович, внук Григория Васильевича?) и сын его, Степан Петрович.² Савинское Васильевку эта линия за собой не сохранила — земля там к началу XVIII в. по частям перешла Спешневым. В последней четверти XVII в. по Саратову начинают служить несколько Шахматовых — сыновей Федора (Ивановича?) Шахматова,³ родственника Кондратьевичей и Васильевичей, который в 1660 г. под Чудновым был взят татарами в плен вместе с боярином В. Б. Шереметевым и в 1668 г. был прислан от него в Москву говцом из Крыма. Федор Шахматов был записан дворянином по московскому списку — вероятно от него его потомки владели в первой половине XVIII в. сельцом Люткиным Сотенного ст. Алексинского уезда, — но сохранял поместья и в Курмышском уезде: за дочерью дал приданое 50 четв. в д. Суворове-Сайла Имзинского ст. Курмышского у., в 1636 г. получил от Афиьи Федоровой жены Родина 40 четв. в д. Родиной Подгорного ст. Курмышского у., выменял ее на д. Кривуши, которую в свою очередь сменил на 5 четв. Федора Спешнева в том же уезде. Сын этого Федора, Тихон, был поверстан по Саратову в 1673 г. с окладом поместного 350 четей, денег 20 р. В 1680 и 1683 гг. начинают служить по Саратову его братья — Иван и Федор, последний с окладом 12 р., да хлеба против денег, позже 23 рубля с полтиной.

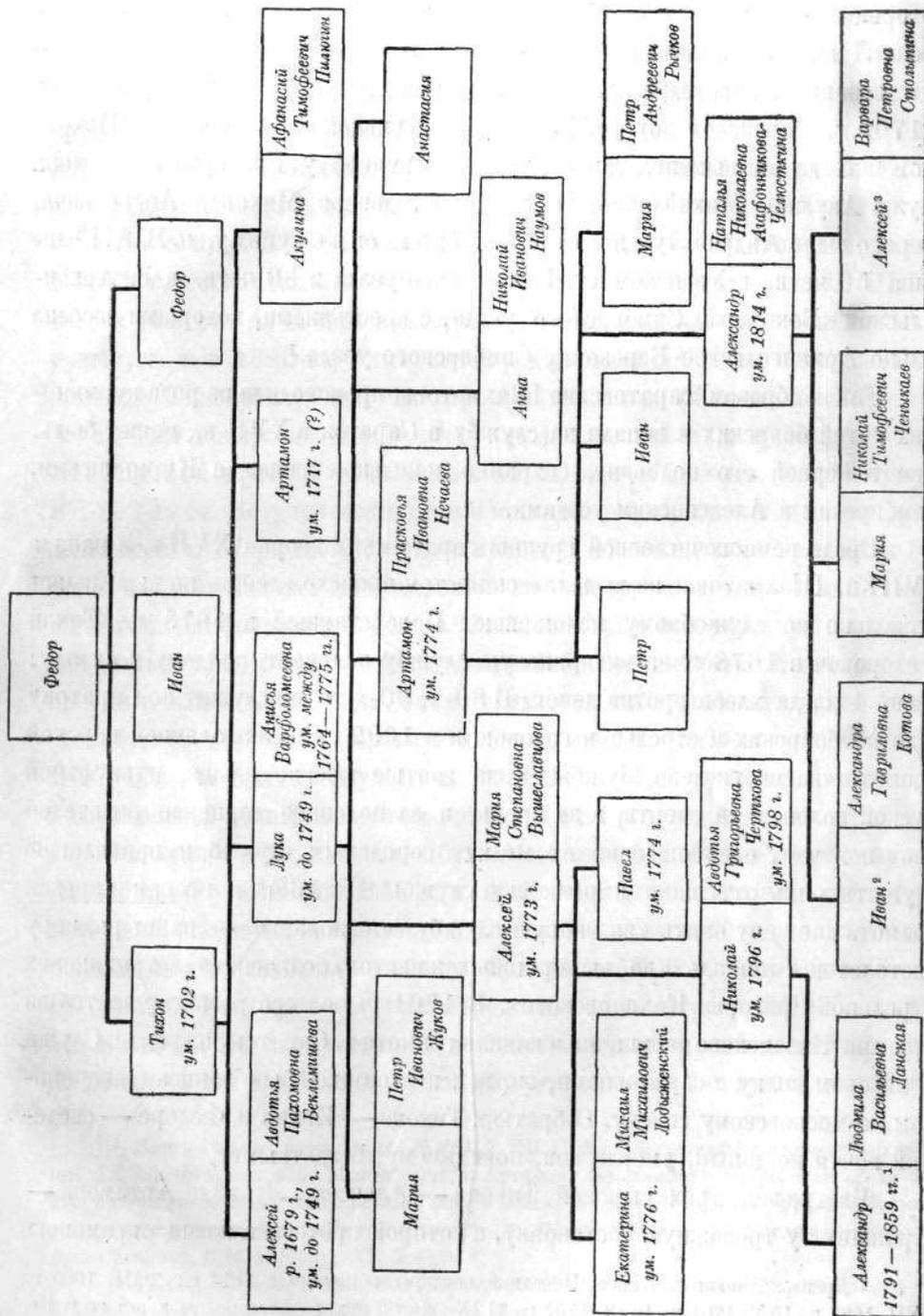
Первое известие об отказе Шахматовым поместья в Саратовском уезде относится к 1701 году: Тихону Федоровичу было отказано в этом году

¹ Вотчинный архив. Дела молодых лет по г. Казани, кн. 378, № 2, кн. 397, № 28. Отказные книги по г. Казани, кн. 4, № 108.

² Дела Камер-коллегии. Сказки 1-ой ревизии по г. Саратову.

³ См. таблицу 1.

ТАБЛИЦА 1

Родословная Шахматовых

1 Умер бездетным 2 Отец историка Саратовского края А. И. Шахматова 3 Дед акад. Шенштина

600 четв. в Саратовском уезде по речкам Терешке и Мокрой Ольшанке, которые после смерти его в 1702 г. перешли трем его сыновьям — Алексею, Луке и Артамену. В 1712 г. Алексей Тихонович получил от своего родственника Александра Андр. Шахматова, внука Лукьяна, умершего в 1709 г. в Свейском походе, 137 четв. с осьминой в Шахматове-Шеховском и тогда же выменял там 52 четв. с осьминой у Григорья Неклюдова (мужа Акулины Михайловны Шахматовой, дочери Михаила Андреевича, второго сына Андрея Лукьяновича). В 1729 г. он же купил у кн. В. А. Голицына 50 четв. в Узинском ст. Пензенского уезда и 30 четв. в с. Архангельском - Бекшанка Симбирского уезда, с крестьянами, которыми заселил сельцо Архангельское-Березовку Симбирского уезда.¹

Таким образом, саратовские Шахматовы происходили из рода курмышских детей боярских и попали на службу в Саратов в XVII в., может быть, уже в первой его половине, сохранив земельные связи с Курмышским, Симбирским и Алексинским уездами.

Среди немногочисленной группы саратовских дворян XVII в. и начала XVIII в. Шахматовы не выделялись местом происхождения, но выделялись несколько по служебному положению. Поверстанный в 1673 г., Тихон Федорович в 1678 г. за чигиринскую службу получает придачу к окладу: денег 4 р., да хлеба против денег. В 80-х, 90-х гг. он служит по Саратову у детей боярских и стрельцов головою и в 1692 г. по жалованной царской грамоте «за многие ево службы, и за взятые многие языки, и за отбой русской полон, и за смерть, и за кровь, и за полное терпение родителей ево» получает освобождение от мелких городовых служб и привилегию служить лишь отъезжие и полковые службы. В 1694 г. вторая царская грамота дает ему опять «за многую службу» «жалованье» — паншырь, пару пистолетов и пицаль «из выморшных живстов голговника астраханских стрельцов Григорья Кахановского». В 1701 г. под его расписку дается из приказа Казанского дворца жалованная грамота г. Саратову на земли. Служа в низовом полку с саратовцами, он, как и отец его, был записан дворянином по московскому списку. О братьях Тихона — Иване и Федоре — сведений почти не дошло, умерли они, по видимому, бездетными.²

Биография трех сыновей Тихона — Алексея, Луки и Артамена — отражает ту тревожную обстановку, в которой протекала жизнь окраинного

¹ Древлехранилище. Книги Печатной конторы пошлявинные 1673 г., 2 III, 1680 г., 6 VII, 1683 г., 15 V, 1701 г., 16 IX, 1702 г., 11 IX; Ветч. архив. Дела молодых лет по г. Казани, кн. 222/20, 95/14. Отгазн. кн. по г. Казани, № 1/70. Дела, присланы из Казани, № 15/24; Калм. дела Колл. ин. дел, 1741 г., кн. 140, № 10.

² Тр. Саратов. уч. арх. ком., т. IV, вып. 2, стр. 68 — 70, вып. 28, стр. 63.

Саратова в первой четверти XVIII в. Младший — Артамон — был написан в службу из недорослей в 1702 г. Позже он служил в астраханских драгунах и попал в тот эскадрон, который был назначен в Хивинскую экспедицию Бековича - Черкасского 1716—1717 гг. Здесь мы находим его опять-таки в несколько особом положении — полковым комиссаром по раздаче жалованья с окладом 100 р. в год. В Хиве Артамон Тихонович, надо думать, и погиб вместе со всем отрядом Бековича.¹

По сказке Военной коллегии 1722 г. Алексей Тихонович родился в 1679 г. Этим показанием опровергаются два известия — А. И. Шахматова о том, что А. Т. был саратовским воеводой между Наумовым и Нестеровым, т. е. в 1690 г., и старинной родословной XVIII в., приписывавшей Алексею Тихоновичу дачу за строение на нагорной стороне Саратова.² А. Т. был поверстан по Саратову из недорослей в дети боярские лишь в 1692 г. с окладом 350 четей, денег 12 р., ржи по 12 четв., овса по тому ж. В 1702 г. он заступил место отца в московском дворянском списке с денежным окладом 37 р. 16 алт. 4 д. и хлебным 37 четв., в то время как брат его Лука, написанный из недорослей по выбору, получил оклад Алексея. Адъютантами боярина кн. Петра Ив. Хованского они участвуют в усмирении башкирского и булавинского движений, постоянно бывают в экспедициях против калмыков, кубанцев, «воровских русских людей» и казаков, сжигая «воровские» городки и деревни, добывая языки и полон — жен и детей. В 1710 г. за многие службы и рану А. Т. был произведен капитаном к саратовским конным солдатам с окладом в 84 р. в год, из которого получал впрочем лишь треть, в начале 20-х гг. состоял ряд лет при покупке драгунских лошадей у калмыков. В 1729 г. А. Т. получил в Сенате отставку с чином майора за старостью и болезнью и умер в Саратове в 40-х гг. Его высокое положение в городе отмечено и его браком: в 1706 г. Никифор и Василий Пахомовичи Беклемишевы (нижегородские помещики и в разные годы первой половины XVIII в. саратовские воеводы) выдали за него сестру Авдотью Пахомовну, дав в приданое крестьянскую семью из 3-х душ и двух девок.³

¹ Книги Печати. конт. пошл., № 408, 7 VII 1702 г.; Материалы военно-уч. архива Гл. шт., I, СПб. 1871, стр. 445. Может быть, к Артамону же относится интересная своим бытовым содержанием мордовская песня о постое солдат и драгун команды барина Шахматова в мордовской деревне; она напечатана А. А. Шахматовым в его Мордовском Этнографском Сборнике, СПб. 1910, отд. VI, № 67.

² Тр. Сарат. уч. арх. ком., вып. 28, стр. 33, 63; А. А. Гераклитов. Саратовские воеводы XVII в., там же вып. 30; А. И. Шахматов. Исторические очерки, стр. 33, 63.

³ Тр. Сарат. уч. арх. ком., вып. 28, прил., стр. 1—3; Сенатский архив, т. VII, стр. 772; Дела Камер-колл. Сказки 1-ой рев. по г. Саратову; Кадм. дела Колл. ин. дел, 1741 г., карт. 140, № 10.

Лука Тихонович получил чин поручика в Харькове, в украинском походе. Его быстрое повышение по службе начинается с конца второго десятилетия XVIII в., с поручением калмыцких дел саратовскому коменданту Дм. Бахметьеву. Шахматовы и ранее употреблялись в калмыцкие посылки. Еще в 1697 г. Федор Федорович Шахматов ездил «для государевых дел» в кочевье тайши Аюки ниже Царицына на речке Царевке. Служил при калмыцких делах и Алексей Тихонович, получив подарок от самой ханши Дармы-Балы, вдовы хана Аюки, — она дарит ему калмыченка Хамбу. Но особенно тесны были служебные связи со степью у Степана Петр. и Луки Тих. Шахматовых. Как «гораздо заобыкновенные к калмыцким делам» и «имеющие кредит у всех владельцев», они считались незаменимыми при сношениях с калмыцкою ордою, особенно сложных и запутанных после смерти хана Аюки, и постоянно употреблялись в посылки «не токмо к доброжелательной, но и к противной парти», часто заживаясь подолгу в орде. В 1719 г. Лука Шахматов был послан Бахметьевым в команду его сына Ивана «для охранения хана Аюки», в 1720 — 24 гг. состоял в команде подполк. Змеева для покупки драгунских лошадей, ездя постоянно «в калмыцкие улусы и в российские села, при которых имеются калмыцкие торги». В 20-х гг. правительство занято вопросом о распространении христианства среди калмыков и уделяет много внимания внуку хана Аюки Петру Тайшину, принявшему крещение. В 1725 г., вместе с иеромон. Никодимом Ленкевичем, Лука Тихонович назначается приставом к нему в кочевье, за Дон, для постоянного за ним наблюдения. Там он живет до 1731 г., перемежаясь со Степаном Петровичем. В 1733 — 35 гг. он снова живет приставом при хане Черен-Дондуке и именно при его содействии хан был задержан обманом в Царицыне и отправлен в Петербург. В 1737 г. Л. Т. назначается в пристава к калмыцкому посольству, отправлявшемуся в Тибет, куда не едет за болезнью. Получив в 1731 г. чин капитана за калмыцкую службу, он еще в 1735 г. начал просить отставки, которую ему не хотели давать, и лишь в 1737 г. сменил тяжелую службу в степи на более спокойную, но ответственную должность судьи татарских и калмыцких дел в Астрахани. Заняв ее, он не избежал соблазна обогатиться путем взяток. По приезде в Астрахань губернатора В. Н. Татищева на Шахматова был подан ряд жалоб. Как писал Татищев, «Шахматов более вреда, чем пользы, приносит, и татары более от его лакомства и несмотрения разбежались, токмо он под протекциею коллегии ни на кого не смотрел. Однако я... велел его судить и на место его иного определить...» Эта катастрофа оборвала карьеру Л. Т. — он получил отставку в 1743 г. «за взятки и нападки» и умер до

1749 г.¹ Лука Тихонович, женатый на Анисье Варфоломеевне (девичья фамилия неизвестна), был единственным из Тихоновичей-сыновей, оставивший детей: трех дочерей — Марию, Анну и Анастасию — и двух сыновей, Алексея и Артамона. Из дочерей Анастасия постриглась в монахини (схимонахиня Ксения), две другие были выданы замуж за помещиков ближних уездов — Мария за Петра Ив. Жукова, шацкого и пензенского помещика (д. Золотаревка Узинск. ст. Пенз. у., у отца с. Жуково Шацк. у.), Анна в 1753 г. за подпоруч. Николая Ив. Наумова, имевшего поместья в Саратовском уезде (с. Никольское-Ромоданово и с. Варыпаево). Тетка их, Акулина Тихоновна Шахматова, была замужем за симбирским помещиком Афанасием Тимоф. Пилюгиным.² Родственные связи с помещиками края завязались и через браки сыновей Луки: Артамон был женат на Прасковье Ив. Нечаевой — у отца с. Покровское-Кряжим Узинск. ст. Пенз. у. и симбирские поместья, — Алексей на Марии Степановне Вышеславцовой, получившей в приданое с. Вярвель Темниковского уезда.

Оба Лукича начали свою карьеру военной службой, на время оторвавшей их от Саратова. Артамон служил в л.-гв. Семеновском полку, сначала (с 1748 г.) солдатом, затем (с 1752 г.) капралом, получил отставку в 1755 г. в чине прапорщика и с этого времени жил опять в Саратове, где и был убит в 1774 г. в пугачевский приход (по запискам Рычкова — за строгое обращение со своими людьми).³ Алексей Лукич начал службу солдатом Азовского драгунского полка в астраханском гарнизоне, в 1740 г. состоял при Персидском посольстве и был произведен за труды из сержантов в прапорщики, позже — в 1742 г. — в адъютанты, служил в Казанском и Новгородском драгунских полках, вышел в отставку капитаном в 1757 г., но продолжал штатскую службу в чине коллежского ассессора. С 1757 по 1760 г. он служил командиром Дмитриевского соляного правления, за что получил похвальный аттестат. В 1760 г. был за болезнью отпущен на 2 года, после чего продолжал службу в чине надворного советника в Низовой соляной конторе в Саратове, где был товарищем главно-присутствующего Петра Ададурова, а в 1764 г. по определению

¹ Описание докум. и дел, хран. в арх. св. прав. синода, т. I, СПб. 1868, стр. 326—27; Пальмов. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1926, стр. 61, 244; Саввинский. Астраханская епархия, I, стр. 227; Опись докум. и дел, хран. в Сенатском арх., отд. I, т. III, ч. II, стр. 156, 853, 953; Попов. Татищев и его время, стр. 325; Соловьев. История России, т. V, стр. 318; Калм. дела Колл. ин. дел, 1697 г., № 11, 1741 г., № 10, 1742 г., № 5, 1743 г., № 30, 1725 г., № 3, 10, 1736 г., № 35, 1730 г., № 12.

² Вотч. архив. Дела молодых лет по г. Казани, кн. 25/59.

³ Отрывок из семейных записок Рожновых (Рычковых). Библиотека для Чтения, 1862, № 2, стр. 4.

Сената назначен в той же должности в Главную соляную контору в Москву. Как долго продолжалась эта его служба и связанное с нею отсутствие из Саратова, я не знаю. Умер Алексей Лукич в Саратове вначале 1773 г. В воспоминаниях саратовского старожилы Ив. Андр. Кропотова, родившегося в 1768 г., он назван саратовским воеводой. Это припоминание не находит подтверждений и, вероятно, неправильно, но показывает, что по представлениям саратовцев Алексей Лукич занимал в чиновничьем мире города важное положение.¹

Оба Лукича оставили потомство, но судьба того и другого была различна. Алексей Лукич имел двух сыновей — Николая и Павла — и дочь Екатерину. Она была выдана замуж за Мих. Мих. Лодыженского, который в 70-х гг. был главным судьей Конторы опекуства иностранных в Саратове и спорил с комендантом Бошняком из-за распоряжений по обороне города от Пугачева. Екатерина Алексеевна умерла в 1776 г. Ее торжественные похороны описал в своих записках местный священник Скопин, как похороны бригадирши. Позже Лодыженский служил в Москве (с 1783 г. по сентябрь 1797 г. был опекуном Моск. опекунского совета), и через его посредство у Николая Алексеевича поддерживались связи со столицей.² Один из сыновей Алексея — Павел, сержант артиллерии, — был убит в Саратове в 1774 г. Таким образом наследство Алексея Лукича все перешло к сыну Николаю, женатому на Авдотье Григорьевне Чертковой (дочери ярославского помещика и родственнице саратовского губернатора Черткова), а затем к их единственному сыну Александру, не оставившему в свою очередь детей.

Карьера Николая Алексеевича напоминает карьеру его отца. Он родился в 1748 г., учился в кадетском корпусе в Петербурге, начал с военной службы в Вологодском пехотном полку и провел ряд лет вне Саратова, участвуя в первой Турецкой войне. В 1773 г., видимо в связи со смертью отца, он вышел в отставку с чином секунд-майора, вернулся в Саратов, где в чине коллежского асессора получил место члена Конторы опекуства иностранных, вероятно по протекции мужа сестры, Лодыженского. В 80-х гг. он надворный советник и председатель Саратовского совестного суда, в 1780—1784 гг. был первым предводителем дворянства Саратовского уезда. Умер Н. А. в декабре 1796 г., оставив вдову и четырехлетнего сына Александра.

¹ Сенатский архив, т. XIV; Саратовский исторический сборник. Т. I. Дневник Г. А. Скопина, стр. 8; Тр. Сарат. уч. арх. ком., т. I, вып. V; Дела Низовой соляной конторы.

² Дневник Скопина, стр. 9; Руммель и Голуцов. Родословный сборник, т. I, СПб. 1886.

Смерть Авдотьи Григорьевны в 1798 г. вызвала опекунство Петра Исаевича Ханыкова, старинного друга семьи.¹

Александр Николаевич был первым из Шахматовых, прочно вставшим на столичную дорогу и оторвавшимся от Саратова по месту службы и жительства. Он начал свою службу в Петербурге титулярным советником в министерстве внутренних дел, служил несколько лет в Варшаве, в 1823 г. перешел на службу в государственный контроль. С 1819 г. он камер-юнкер, в 1823 г. женится на дочери д. ст. сов., сенатора и кавалера В. С. Ланского, который был знаком с его отцом еще во время губернаторства в Саратове, позже был варшавским губернатором и министром вн. дел; в 1835 г. А. Н. получил звание камергера. Умер он в 1859 г. бездетным. В Саратове и саратовских деревнях он почти не бывал и проводил все время в столице.

В то время, как потомство Алексея Лукича было немногочисленно и оборвалось со смертью Александра Николаевича, потомство Артамона Лукича оказалось более долговечным. У Артамона была дочь Мария (замужем за Рычковым, внуком известного П. И. Рычкова) и три сына — Петр, Иван и Александр, оставивший в свою очередь дочь и двух сыновей (один из них, Алексей, был дедом академика). В связи с этим Артамоновичи получили более раздробленное наследство, чем Алексеевичи, и по служебному положению в конце XVIII в. и начале XIX в. не играли столь заметной роли в саратовской жизни, как потомство Алексея Лукича. Впрочем, Александр Артамонович был сердобским уездным предводителем дворянства, а Ив. Артам. саратовским. Но архива линии Артамона Лукича от XVIII в. не сохранилось. Поэтому с половины XVIII в. я буду касаться почти исключительно хозяйства линии Алексея Лукича.

Таким образом, Шахматовы были провинциальными дворянами, которые в течение длительного времени были тесно связаны с Саратовом, обычно лишь в начале служебной карьеры от него отлучались, чтобы снова туда вернуться и продолжать там службу, принимая непосредственное участие в хозяйстве. Занимая в чиновничьем мире города первые места, они могли, пользуясь своим положением, широко развернуть разнообразную хозяйственную деятельность.

Первые известия о верстании саратовцев-детей боярских поместьями окладами относятся к половине XVII в.² Но вряд ли можно думать, что

¹ Дела Саратов. палаты гражд. суда, в. 45, № 1521; Архив сарат. дворянства, список предводителей дворянства Саратов. губ.

² Голомбиевский. Материалы по истории г. Саратова. Чтения в ОИДР за 1892 г., III.

в XVII в. саратовские служилые люди получали согласно верстанию поместья в ближайших к Саратову местах, вошедших потом в состав Саратовского уезда, — этот край был еще слишком незащищен от кубанских и калмыцких набегов. По словам Кириллова, до построения в 1720 г. царьцынской линии «при Царицыне и Саратове городах ничего в полях и степях сеять за опасением внезапных приходов не смели».¹ У нас есть лишь одно известие об отказе поместья саратовцу в Саратовском же уезде: оно относится как раз к роду Шахматовых. В книгах Печатной конторы 1701 г. находим указание на грамоту Приказа Казанского дворца саратовцу Тихону Федоровичу Шахматову, по которой было велено «в Саратовском уезде от реки Волги от устья речки Мокрой Алшанки вверх до вершины с урочищи лишние порозжие земли 600 четей по сыску отказать ему... в поместье и в указное число ж... сенных покосов на 3 тыс. копен». В 1702 г., по смерти Тихона, его поместье «на речке Мокрой Олшанке да на речке Терешке с урочищи» было отказано трем его сыновьям. В половине XVIII в. Саратовская воеводская канцелярия прислала в Вотчинную коллегию копию с грамоты 1702 г. на Саратов, заключающую копию с отказных книг на это поместье, в подлинности которой уже тогда усумнились. Однако самый факт отказа Шахматовым поместья в 1701 — 1702 гг. в Саратовском уезде благодаря показаниям книг Печатной конторы должен считаться бесспорным. Но владение поместьем на деле не осуществилось. В 1749 г. внуки Тихона подали в Вотчинную коллегию челобитье о справке за ними, их матерью и сестрами недвижимого имущества Тихона. При отводе земли оказалось, что она уже заселена крестьянами грузинских царевичей Бакара и Георгия Вахтангеевичей, спешшими из пожалованных последним нижегородских волостей и основавшими на шахматовской земле д. Комаровку и Студенку и село Рождественское-Усовку.² Очевидно, Шахматовы, получив поместье в начале XVIII в., им не воспользовались и не заселили его крестьянами. Еще в 1721 г. саратовский комендант Бахметьев на запрос Сената отвечал, что «в Саратове дворяня беспоместные и к г. Саратову уезду, сел и деревень дворового числа ничего ни за кем нет...»³ Таким образом, саратовские дворяне XVII в. и начала XVIII в. не имели поместного хозяйства в саратовском крае. Зато при положении Саратова на перекрестке оживленных торговых путей они не могли не вовлекаться в разнообразные

¹ Кириллов. Цветущее состояние Всероссийского государства, II, стр. 30.

² Книги Печатн. конт. пошл. № 395, л. 178, № 404, л. 115; Вотч. архив. Дела молодых лет по г. Казани, кн. 271/7, 206/4, 373. Архив сарат. дворянства, дело о дворянстве Шахматовых.

³ Дрвлекранилище. Дела Сената по Астрах. губ., кн. № 6, лл. 209 и 471.

торгово-промышленные операции. От первой половины XVIII в. идут многочисленные свидетельства о торгово-промышленном облике саратовских дворян и о случаях их перехода в саратовское купечество. Большинство крупных купеческих семей Саратова XVIII в. — Протопоповы, Климовы, Левашовы, Лежневы, Толмачевы, Трумпичкине, Нечаевы, Фофановы — происходили от тех детей боярских, которые в XVII в. и в начале XVIII в. служили по Саратову.¹ Шахматовы не перешли в купечество, как многие из их сослуживцев, — от этого шага их могли удержать их служебные успехи и поместья в Курмышском, Симбирском и Алексинском уездах, — но все те отрывочные сведения об их хозяйственной деятельности конца XVII в. и первой половины XVIII в., которые до нас дошли, говорят об их резко выраженном торгово-промышленном облике.

1594
В 1691 г. Тихону Федоровичу Шахматову был отдан на 3 года из саратовской приказной избы «с торгу и наддачи» чардымский юрт дворцового Саратовского и Царицынского рыбного промысла «по старым рубежам, как владели прежние откупщики», «с неводными вешними и меженными и зимними жерлишными и всякими рыбными ловлями», звериными угодьями, лесом и поемными лугами. Юрт обнимал ряд угодий по нагорной и луговой сторонам Волги выше Саратова, от терешанского юрта по гусельский и от караманского по илменский ерик. Шахматов обязался платить за откуп старый оброк — 32 р. 25 алтын, а с наддачей по 34 р. 30 алт. в год.² Обширность угодий и высокий по тому времени оброк показывают, что откуп имел несомненно промышленное значение. Шахматовы не только удержали этот юрт в своих руках на целый ряд лет, но и расширили откуп на другие угодья. Сохранилась квитанция саратовской воеводской канцелярии 1758 г. в уплате Алексеем Лукичем Шахматовым оброчных денег за юрты: караманский и коюковский луговой стороны и гусельский и чардымский горной стороны, всего 14 р. 24¹/₂ к. Вероятно, основываясь на том, что караманский юрт снимался Шахматовым из оброка, его люди в 1753 г. запрещали малороссиянам-возчикам соли рубить лес «в дикой калмыцкой степе по речке Караману, объявляя им, якобы та речке Караман находится у него Шахматова для лову зверей в даче...»³ По другой квитанции 1772 г., кроме тех же 4-х юртов, платится оброк за криушинский юрт «за бывшего саратовского купца Ив. Левашова» — 2 р. 86 к. Падение оброка

¹ Е. Кушева. Саратов в 3-ей четв. XVIII века. Труды Нижневолжск. обл. научн. общества краеведения, вып. 35, ч. II, стр. 17; А. Попов. Татищев и его время, стр. 221.

² Дело о дворянстве Шахматовых в архиве сарат. дворянства.

³ Дела Саратов. каз. палаты № 1362. Дело Низовой соляной конторы 1753 г.

с 34 р. за один чардымский юрт в 1691 г. до 17 р. за пять в 1772 г. показывает, что значение этих рыболовных угодий упало.

Саратовские рыбные промыслы начали оскудевать уже в первой половине XVIII в. Это заставляло саратовских рыбопромышленников спускаться к нижеволжским местам. Шахматовы имели там рыбные промыслы или покупали рыбу для продажи в Саратове — сохранилось известие, что в 1719—20 гг. из Астрахани, Красного и Черного Яров вышли в Саратов струга со стерлядью, красною рыбою и рыбными припасами, принадлежавшие саратовскому коменданту Бахметьеву, капитану Алексею Шахматову и саратовскому дворянину Слuzову. Может быть, как раз с рыбными промыслами связаны какие-то незаконные операции Луки и Алексея Тихоновичей с солью, тайно доставленной в Саратов на судне, везшем «мертвые утопшие тела княгини Черкасской и дочери ево», утонувших в Астрахани в 1717 г.¹

Саратов стоял на границе с калмыцкой степью, и в его жизни торг с калмыками и через их посредство со среднеазиатским Востоком имел в первой половине XVIII в. первостепенное значение. У меня нет прямых известий о том, что Шахматовы принимали в нем участие, но их постоянное соприкосновение по службе с восточными людьми, идущее с начала XVII в., и их длительная служба при калмыцких делах, вызывавшая постоянные поездки в калмыцкие улусы и даже жизнь там, должны были способствовать возникновению торговых связей. В этом убеждает пример старшего сослуживца Шахматовых, саратовского коменданта Дм. Бахметьева. Из поданных на него астраханскому губернатору доносов узнаем, что Бахметьев, стоявший в 1717—22 гг. во главе калмыцких дел, соединял свою службу с самыми разнообразными и широкими операциями по торговле с калмыками и Хивою. При служебных поездках в улусы он везет туда кумачи и сукна для мены на бухарские овчинки и лошадей. Там же он сталкивается с приезжающими к хану хивинцами и бухарцами, дает им деньги и товар в долг для продажи в Хиву. Люди его бывают в Москве, куда отгоняются на продажу его лошади, в Черном и Красном Ярах, торгуют на Макарьевской ярмарке бухарскими овчинками. Предметами его торговли называют: лошадей, всякую скотину, рыбу, икру и вязигу, шелк, бурмети, кумачи, лисьи и волчьи меха, бухарские овчинки, мед, лубки, лыки, лапти, шшено сорочинское, ковры, деланные козлины. При торговых операциях он пользуется казенными суммами и трудом подчиненных ему солдат и драгун,

¹ Древлехранилище. Дела Сената по доимочи. комиссии, т. 2/951, №№ 8, 7; Дела Сената по Астрах. губ., кн. 6/94, л. 256 passim.

которые стерегут его табуны и меняют калмыцкие товары.¹ Не сомневаюсь, что Шахматовы также пользовались своим служебным положением и «кредитом калмыцких владельцев» для торговли с калмыками, и у нас есть косвенные на то указания.

В калмыцких улусах и на калмыцком торге против Саратова, за Волгой, саратовцы покупали и выменивали у калмыков главным образом скот и лошадей, которые содержались на хуторах, скотских дворах или зимовьях, а затем перепродавались. Торговали калмыцким скотом и саратовские дворяне — так, в 1702 г. дворянин Григорий Микулин с товарищи, «накупя калмыцких лошадей многое число», отогнали их в верховые города для продажи, не уплатив к тому же пошлин и избив на заставе таможенных сборщиков.² Для торговли скотом нужны были луга и сенокосные угодья. Еще с первой половины XVII в. из саратовской приказной избы, позже — воеводской канцелярии, стали выдаваться выписи или владенные указы на сенокосные пожни в ближайших к Саратову местах — в курдюмских и чардымских лугах, в увецком и хмелевском займищах, по речкам Курдюму, Чардыму, Вязовке, Альшанке, Увековке, Горючке, Идолге, Грязнухе, на островах у Саратова, на луговой стороне Волги против Саратова. Пожни отводились всем разрядам саратовского населения — дворянам, стрельцам, пушкарям и солдатам, бобылям и посадским, духовенству. В выписях и указах часто упоминалось, что пожни даются не в вечное владение, а впредь до указа, но несмотря на это они очень рано стали предметом купли и продажи. В первой половине XVIII в. на окружной земле г. Саратова началась особенно оживленная скупка таких сенокосных участков зажиточной частью посадского и дворянского населения Саратова. Шахматовы принимали в ней оживленное участие.

В 1810 г. при межевании саратовских городских земель обмежевывался «скотоводственный хутор» помещика Всеволожского при речке Чардыме. Всеволожский показал, что хутор куплен в 1764 г. у Артамона Шахматова, а у последнего находился во владении издревле, укрепления же на землю пропали в «злодейское время», т. е. в 1774 г. Рядом лежал участок Алексея Лукича, почему можно думать, что луга по Чардыму были заняты Шахматовыми еще при Луке Тихоновиче, т. е. до 1749 г., от которого и перешли обоим сыновьям. В «опекунское межевание» (60-ые годы) Шахматовым по Чардыму было намежевано более 14 тыс. дес., а в 80-х гг. Н. А. Шахматов показывал, что он получил от отца по речке Чардыму

¹ Дела Сената по Асграх. губ., кн. 6/94, лл. 248 — 90; Калм. дела Колл. ин. дел 1721 г.

² Книги Печатн. конт. пошл., № 406, 16 XI 1702 г.

сенных покосов «по примеру», . . . «стогов на сто на пятьдесят». В шахматовском архиве нет документов, которые показали бы, как эти обширные сенные угодья были приобретены Шахматовыми. Может быть, их освоение произошло в связи с долготлетним откупом чардымского юрта.

В начале XIX в. обмежевывался «скотоводственный хутор» А. Н. Шахматова на речке Горючке (приток Карамыша, ниже Саратова) — более 1500 дес. Зимнего хуторного строения при нем не было, лишь землянка и заплетенные из плетня шалаши, при которых по летам паслись конские табуны и рогатый скот. Поверенный Шахматова не мог представить укреплений на землю, но показал, что хутор заведен еще дедом Н. А. Это показание подтверждается выписью 1733 г., выданной дворянину Ахматову на сенной покос по речке Горючке по правую сторону от станишной (т. е. камышинской) дороги — в межах упоминается владение майора Шахматова, т. е. Алексея Тихоновича. При том же межевании начала XIX в. Иван Артамонович изъявил притязание на пожню Тарханского острова (близ Саратова), говоря, что она принадлежала его отцу до 1765 г. по грамоте приказа Казанского дворца, но документы в «злодейское замешательство» пограблены. Понятые подтвердили давность владения. В 1762 г. Артамон Лукич подал в Саратовскую воеводскую канцелярию челобитье об отводе пожни, говоря, что он претерпевает крайнюю нужду в прокормлении скота. Ему были отведены сенные покосы у устья речки Елпанки, по Лекареву буераку, по межеванию начала XIX в. — более 700 десятин.¹

В 1711 г. Алексей Тихонович купил за 3 р. покос за Волгой «с двух сторон городища» у крестьянина Балахонской вотчины боярина Т. Н. Стрешнева, в свою очередь купившего пожню в 1705 г. у саратовского пешего стрельца. В 1761 г. Алексей Лукич покупает у купца Москвитина за 10 р. сенной покос в Увездкой косе у Хмелевского затона — еще до Шахматова покос переходит несколько раз из рук в руки. Кроме того, в Шахматовском архиве хранились 4 документа, теперь частью утраченные, выданные в 1698, 1699 и 1727 гг. саратовскому пешему стрельцу, пятидесятнику саратовских конных солдат (ему пожни достались от стрельца и жены отставного стрельца) и саратовскому посадскому человеку на пожни в Хмелевских лугах. Они перешли к Шахматовым еще при Луке Тихоновиче, у которого в 1729 г. было «на Хмелевке ниже Саратова» «зимовье» (очевидно для скота).² Неизвестно, когда приобрели Шахматовы сенные покосы

¹ Рукоп. отд. библиот. Нижневолжск. обл. научн. общества краеведения. Серия «Севат», № 2901; Труды Саратов. уч. арх. ком., т. IV, вып. III; Дела Саратов. палаты гражд. суда, в. 45, № 1521.

² Калм. дела Колл. ин. дел, 1730 г., № 23.

по вершинам двух речек Курдюмок, речке Идолге, Грязнухе и Елховке, близ московской большой дороги, на которые в их архиве есть владенная выпись 1738 г., выданная канцеляристу Саратовской рыбной конторы Стрельникову.

Таким образом, еще в первой половине XVIII в. Шахматовы приобрели в разных местах Саратовского округа ряд сенокосных угодий, то скупкой отдельных участков, то по отводам воеводской канцелярии, и завели на них «скотоводственные хутора» и зимовья. Это указывает на связи с калмыцкой степью и торговлю калмыцким скотом. Агентами Шахматовых по калмыцкой торговле, табунщиками и пастухами могли быть их дворовые люди — калмыки.

Благодаря оживленному движению по саратовским большим дорогам содержание постоянных дворов на них — уметов — были выгодным делом. Шахматовы не упускают и этой статьи дохода. У Алексея Тихоновича был заведен умет на большой московской дороге на речке Курдюме (ср. с выписью Стрельникова 1738 г.), который он дал вкладом в саратовскую Троицкую соборную церковь. В 1783 г. Н. А. продал умет на той же речке, но на симбирской дороге — он был заведен, вероятно, еще его предками. В 1775 г. за Шахматовыми в разных местах Саратовского округа значилось четыре умета. В 1758 г. Артамон Лукич в компании с саратовскими купцами Кривоносковыми и Ламеховым содержал умет на р. Еруслане по солевозному тракту к Эльтонскому озеру, где продавались хлеб, калачи, квас, деготь, оси и прочее. Полученные доходы делились по равным частям — по 70 р. каждому на год. В 1759 г. он же предложил Низовой соляной конторе построить «своим коштом» мост через Еруслан с разрешением взимать в течение 10 лет сборы с проезжающих. Контора отказала, ссылаясь на указ 1754 г., отменивший частные сборы с мостов. Тогда же по эльтонскому тракту «обращались для соляной возки» его собственные подводы. Ко всем этим сведениям можно присоединить известия о том, что в 30-х гг. у Алексея Шахматова было в Саратове 6 лавок, 7 амбаров (скорее всего рыбных) и кузница, а у Луки один амбар и лабазное место на Береговой проезжей улице, проданное им купцу Плотникову, что в 1758 г. Алексей Лукич купил за 105 р. 8 лавок, построенных на казенном месте, что в 60-х гг. у Артамона Лукича были 4 мясные лавки у самых Царицынских ворот, рядом с кабаком, и амбары, а одна из линий на саратовском торгу носила название «Шахматовой линии» — очевидно там и находились их лавки. Наконец, нельзя не отметить нескольких случаев перехода дворовых людей и крестьян Шахматовых в саратовское купечество — в 1723 г.

(1727?) — Степана Дмитриева с 2 сыновьями, в 60-х гг. — Семена Кондратьева.¹

В Саратовских губернских ведомостях за 1854 г. печатались записанные в Саратовской губернии народные песни. Одна из них рассказывает об убийстве женой мужа и связывает это событие с Шахматовыми. Любопытно, что Шахматов назван в песне «богатым купцом»:

У купца ли, у богатова,
У богатова, у Шахматова
Несчастье в доме сделалось,
Несчастье немалое...²

В Шахматовском архиве есть серия документов — купчих и владенных указов — на дворовые места в Саратове. Собрав все встретившиеся указания, получаем, что в 1695 — 1773 годах Шахматовым принадлежало в разное время не менее 21 (может быть даже 24) различных дворовых мест в городе — лавочные и амбарные места сюда не входят. Из них шесть заменяют ранее отведенные Шахматовым, но затем застроенные сторонними людьми места, но все же количество дворов остается очень значительным. Например, Тихон Федорович владел по крайней мере тремя дворовыми местами — одним по отводу воеводской канцелярии, одним купленным и одним, доставшимся за долги. У Алексея Лукича было по крайней мере пять (может быть семь) дворовых мест — четыре, отведенные Саратовской воеводской канцелярией, одно — купленное у богатого купца и откупщика коломенца Сидора Попова. Количество дворовых мест убеждает, что они приобретались не только для личных надобностей. Так, в 1713 г. Луке Шахматову было отведено дворовое место в 292 кв. саж. Позже им завладели свойственники Шахматовых, саратовские воеводы Беклемишевы; после смерти Василия Беклемишева место в 1749 г. было снова возвращено сыновьям Луки вместе с выстроенными Беклемишевыми хоромами. В указе дается их подробное и любопытное описание, дающее представление о жилище провинциального воеводы в половине XVIII в.: 4 жилые бревенные горницы с муравленными печами, сосновые заборы, фигурные ворота на дубовых столбах, все крашеное красною краскою, 2 избы, баня, кухня, пять амбаров с погребами, конюшня с 11 стойлами, сарай для колясок.

¹ Дела Сарат. палаты гражд. суда, оп. 4, в. 45/1523, в. 93/8039; Дела Камер-колл. Сказки 1-ой рев. по г. Саратову; Дела Сената по Камер-колл., № 33/842; Кн. Низ. сол. конт. 7058.

² Сарат. губ. ведом., 1854 г., № 20.

Однако, Шахматовы, получив дом, не занимают его. В 1753 г. приехавший в Саратов воеводой и начальником Соляного комиссарства полковник Казаринов снимает его у Шахматова под квартиру, а позже покупает. Обращает внимание отвод трех мест у ворот — Царицынских и Московских, двух на торговой площади и трех на базарах — русском, верхнем и хлебом. Они использовались скорее всего опять-таки для торгово-промышленных целей.¹

Свободные суммы денег, которые оставались в результате разнообразной торгово-промышленной деятельности, Шахматовы отдавали в займы. У Тихона Федоровича было дворовое место, отданное за долговые деньги посадского человека Андрея Рязанцева. В 1710 г. саратовский житель Ст. Дм. Мыльников с женою и сыном дал на себя Алексею Тихоновичу запись с обязательством за долги отца и собственные — 20 рублей — жить у Шахматова, его жены и детей во дворе во век и работать всякие домовые и отъездные работы.² Сохранились указания на несколько векселей, выданных Артамону Лукичу и его вдове.

Все приведенные сведения рисуют торгово-промышленный облик Шахматовых. Но уже в эпоху Алексея Лукича, в 50-ые и 60-ые годы, обнаруживаются такие факты, которые намечают некоторые новые линии хозяйственной деятельности, не укладывающиеся в ранее данную характеристику. Они выступают всего яснее по сведениям о количестве крепостных, принадлежавших Шахматовым.

Как мы видели выше, Алексей Тихонович получил 190 четвертей в д. Шахматове-Шеховском Имзинск. стана Курмышск. у. (по сведениям 1859 г. — д. Шахматово в Княгининск. у. Нижегородск. губ.).³ В 1712 г. там было 9 дворов крестьянских, да помещиков двор, дворовых людей 5 д. м. п. и 3 д. ж. п., крестьян 40 д. м. п. и 50 д. ж. п., всего 45 д. м. п. и 53 д. ж. п. или 98 д. об. п., да в бегах 15 д. м. п. и 8 д. ж. п. Первая, вторая и третья ревизии дают неуклонное падение числа душ. По первой ревизии значилось дворовых 3 д. м. п., крестьян 37 д. м. п., да приписных после ревизии 3 д., итого 43 д. м. п. (число женских душ неизвестно). По второй ревизии убыль выразилась в 37 душах (умерло 26, отлано в рекруты 5, бежало 6), прибыль в 14 душах вновь рожденных, что дало 20 д. м. п.

¹ Тр. Сарат. уч. арх. ком., вып. 21, стр. 15 — 40, т. II, вып. 2, стр. 379, 383 — 384; Кн. Сарат. магистрата, в. 2, № 4/86; Дела Сената по Астрах. губ., № 5, лл. 449 — 453; Кн. Сарат. палаты гражд. суда, оп. 4, в. 92/3005, в. 94/3055, в. 87/2886; Вотч. архив. Дела молодых лет по г. Казани, 25/59; Архив Сарат. казен. палаты, кн. Низ. сол. конт. 1758 г.

² А. И. Шахматов. Исторические очерки г. Саратова, стр. 170.

³ Списки насел. мест по сведениям 1859 г., XXV, Нижегород. губ., СПб. 1863, № 3041.

наличных. Третья ревизия отмечает новое падение числа душ: умерло 8, отдано в рекруты 3, переведено в Саратов 4 д. Осталось налично 5 д. м. п. и 11 д. ж. п., которые после смерти Алексея Тихоновича достались Алексею (2 д. м. п. и 8 д. ж. п.) и Артамону Лукичам (3 д. м. п. и 3 д. ж. п.). В 70-х гг. земля в Курмышском уезде значилась уже пустою и отдавалась Шахматовыми в наем.¹ Аналогична была судьба симбирских владений Шахматовых. В 1729 г. Алексей Тихонович купил у кн. В. А. Голицына 30 четв. земли в с. Бекшанке Симбирского уезда (по сведен. 1859 г. с. Русская Бекшанка Сызранск. у. Симбирск. губ.?)² и крестьян, шедших туда из шацкого поместья Голицына, — по первой переписи 67 душ. Тогда же А. Т. купил у Голицына 50 четв. в Узинск. ст. Пензенск. у. — «сверх идучи по обе стороны Узы реки от Караульной горы до вершины той Узы реки». По второй ревизии бекшанские крестьяне Шахматова значатся переведенными в сельцо Березовку-Архангельское (позже Сергиевское) в Завальном, позже Узинск. ст. Симбирск. у. (по свед. 1859 г. с. Березовка-Сергиевское на речке Березовке в северной части Саратовск. у.).³ Положение Березовки на речке Березовке, впадающей в р. Узу у самой ее вершины, дает основание думать, что это сельцо было возникло на земле, купленной в 1729 г. в верховьях Узы в Узинском стане. Пензенский уезд здесь, повидимому, как раз сходиллся с Симбирским уездом. По второй ревизии за Алексеем Тихоновичем в Березовке числилось уже 238 (или 236) д. м. п. Однако, между 2-ой и 3-ей ревизией все крестьяне были переведены оттуда в саратовские имения Шахматовых, а пустую землю, как и в Курмышском уезде, стали сдавать в наем. Не удержали Шахматовы и сельцо Люткино Сотенного стана Алексинского уезда, где по 1-ой переписи за Лукою Тихон. значилось 63 д. м. п., и с. Никольское-Вервель Темниковского уезда, данное за женою Алексея Лукича М. С. Вышеславцовой с помещиковым двором, 15 четв. земли, примерною землею и 67 д. м. п.; по 1-ой переписи, — последнее упоминание о Люткине встретилось мне под 1741 г., а с. Вервель было продано в 1748 г. М. Р. Богдавову за 1600 р. со всеми крестьянами, кроме одного, переведенного Шахматовыми в Саратов.⁴

Душевладение Шахматовых по Саратову пережило как раз обратную эволюцию.

¹ Дела Камер-кол. Сказки 2-й и 3-й рев. по Курмышск. у.; Вотч. архив. Дела, при-
сланные из Казани, кн. № 15, д. № 24.

² Список насел. мест., XXXIX, Симб. губ. СПб. 1863, № 1580.

³ Ibidem, XXXVIII, Саратов. губ. СПб. 1862, № 261.

⁴ Дела Камер-колл. Сказки 2-й и 3-й рев. по Симб. у.; Вотч. архив. Дела молодых лет
по г. Казани, кн. 38/107, кн. 95/14; Калм. дела Колл. ин. дел, 1741 г., № 10.

В сказках первой ревизии по Саратову трое Шахматовых дали о себе сведения — Степан Петрович, Лука и Алексей Тихоновичи. Степан Петрович показал у себя во дворе 3 д. м. п., из них 2 — купленные после 1719 г., да один живущий по записи с 1722 г. впрядь на три года г. Суздаля бобыльский сын, свезенный отцом в Саратов «в малых летех» и кормившийся у разных чинов людей работой. Лука Тихонович показал во дворе 22 души дворовых м. п. Все они пашни ни на себя, ни на помещика не пахали, а содержались у Шахматова «в домовом ево служении», «в застольном пропитании» «на ево коште». Один из них был татарской и трое калмыцкой «природы». Судьбу одного из калмыков открывает дело Коллегии иностранных дел 1730—31 гг. «по челобитью поручика Луки Шахматова в напрасном от него отбивании из крепости крещеного калмыка Якова Харам». По показаниям калмыка, история его закрепощения Шахматовым рисуется таким образом. Харам выпел из калмыцких улусов с женою и дочерью в Саратов для крещения и явился у калмыцких дел дворянину Ст. Шахматову, который уговорил его жить после крещения у своего двоюродного брата Луки Шахматова, обещая ему награждение скотиной и двором. Награждения калмык не получил, а в первую перепись 1723 г., несмотря на протесты Харам, Лука записал его за собою дворовым. Попытки бить челом на Шахматова у калмыцких дел повели к тому, что по приказанию жены Луки калмыка били батогами, давая отдыхать пять раз, а затем наложив на шею цепь со стулом, отвезли в Хмелевское зимовье Шахматова. Там он и содержался, пока Шахматова не вызвали к допросу. Из документов Коллегии иностранных дел не видно, чем кончилось это дело, — в сказках же второй ревизии Харам показан в 1731 году умершим.¹

Алексей Тихонович показал дворовых людей «в застольном же пропитании» 29 д. м. п., да трех в бегах, из них 25 — старинные дворовые люди (среди них 1 турской и 1 татарской природы), двое — вернувшиеся из бегов, один купленный у калмыков в 1721 г. татарской же природы и один принятый во услужение с вольным пашпортом — бывший кабальный человек боярина Вас. Федор. Нарышкина, получивший освобождение после его смерти и поступивший к Шахматову «из денежной платы, а не на пашню». Кроме дворовых, Шахматов показал в Саратове же «заворных людей, которые пашню пашут на себя», 7 д., из них трое в 1727 г. записались по промыслу в посад. Заворные люди были «не в особой деревне», а в городе, во дворе Шахматова. Кроме них показан один

¹ Калм. дела Колл. ин. дел, 1730 г., № 23.

купленный крестьянин с сыном, «который живет в г. Петровску на пашне», да «на пашне» же (своей или помещичьей?) 13 д. крестьян, бежавших из д. Шахматовой Курмышского у. и сысканных из бегов.¹ Тогда же, в 1723 г., Алексей Тихонович получил владенный указ на беглую девку, отданную Беклемишевыми за сестрою Авдотьей Пахомовной, бежавшую из двора Шахматова в Казанский уезд, вышедшую там замуж и сысканную Шахматовым в Сызрани, с двумя ее сыновьями.

Таким образом, количество душ за Шахматовыми по Саратову в первую ревизию невелико (67 д. м. п.), преобладают дворовые, нередко калмыки, татары, кубанцы, земледельческого же хозяйства почти нет. Таково же было положение и в 30-ые годы. От 1733—37 гг. сохранились ведомости сбора оброчных денег с мельниц по Саратову и его округу. Среди ничтожного списка мельниц этих ведомостей шахматовских мельниц не значится.² В 1741 г. Лука Тихонович показывал у себя по Саратову дворовых людей 23 д. «да в Саратовском округе пашенных крестьян 24 души».³ В сказках второй ревизии по Саратову из числа 67 душ, написанных за Шахматовыми в первую ревизию, значились убылыми 49 д. (умерло 24, отдано в рекруты 4, бежало 9, записано в посад 3, отданы Беклемишевым 4, взяты по крепостям помещиком Змеевым в Казань 3, написан в казаки 1 и достался вдове Ст. Петр. Шахматова один), сказки же наличных душ второй ревизии не сохранились.⁴ Из одного документа Шахматовского архива узнаем, что в 40-х гг. за Алексеем и Лукою Шахматовыми в Саратове при дворе значилось 57 д., за которых подушные деньги платились не в Саратовской, а в Симбирской провинциальной канцелярии. Очевидно, они были записаны во вторую ревизию в Архангельском-Березовке и лишь потом переведены в Саратов. Третья ревизия дает сильное повышение числа душ, записанных за Шахматовыми по Саратову: за Алексеем Лукичем и его двумя сыновьями 133 д. м. п. и 124 д. ж. п. (из них дворовых 40 д. м. п. и 38 д. ж. п.), за вдовой Луки и дочерью Настасьей Лукинишной 48 (или 47) д. м. п. и 47 д. ж. п., за Артамоном Лукичем, его женой и детьми 107 (или 117?) д. м. п. и 110 д. ж. п., т. е. всего 288 д. м. п. и 281 д. ж. п. Из числа душ, записанных за семьей Алексея, 114 д. м. п. и 106 д. ж. п. были переведены из Березовки Симбирского уезда, а 2 д. ж. п. — из курмышского поместья (переведенный оттуда же крестьянин умер до 3-ей рев.).

¹ Дела Камер-колл. Сказки 1-ой рев. по г. Саратову.

² Дела Сената по Камер-колл., № 33/842.

³ Калм. дела Колл. ин. дел, 1741 г., № 10.

⁴ Дела Камер-колл. Сказки 2-ой рев. по г. Саратову.

Большинство душ, записанных за остальными Шахматовыми, — 135 из 155 душ м. п. — были также переведены из Березовки, а 5 д. м. п. и 4 д. ж. п. из Шахматова Курмышского уезда. Перевод крестьян из Березовки начался, как мы видим, еще в 40-х гг., закончился же в 60-х гг., в период третьей ревизии. В 1762 г. за Алексеем Лукичем в Березовке были записаны 56 д. м. п. и 54 д. ж. п., которые в третью же ревизию, но в 1764 г. значатся за ним же по Саратову.¹ Души, сверх переведенных из Симбирского и Курмышского уездов, были приобретены покупкой или по указам воеводской канцелярии. Сохранившееся в Шахматовском архиве документы дают возможность проследить, как увеличивал свое душевладение по Саратову Алексей Лукич.

У меня есть сведения о 16 купчих Алексея Лукича на крестьян и дворовых за 1750—67 гг., всего на сумму 2042 р. (цена четырех покупок неизвестна). Из этих покупок лишь одна крупная — в 1760 г. А. Л. купил у мужа своей сестры Анны Лукинишны, подпоручика Николая Ивановича Наумова, с. Никольское-Ромоданово и с. Варыпаево Саранского уезда с землею, людьми и крестьянами за 1500 р. Количество душ этой покупки не указано. Алексей Лукич не оставил в своих руках этих саранских имений. Крестьян оттуда мы позже встречаем в его саратовских деревнях, а саранские вотчины далее совсем не упоминаются. Вероятно, А. Л. землю там продал, а крестьян вывел. По остальным купчим А. Л. купил 28 д. м. п. и 30 д. ж. п. Все эти души скупаются по мелочам, по одной, по две, по три души, у разных помещиков в разных местах — в Шацком, Алаторском, Саранском, Темниковском, Пензенском, уездах и выводятся в саратовские деревни Алексея Лукича (некоторые сначала были поселены в Березовке и уже оттуда перешли в Саратов). Любопытно, что в нескольких случаях А. Л. покупает крестьян в бегах, а затем сыскивает их в Саратове или ближайших местах и получает на них из Саратовской воеводской канцелярии владенные указы, пользуясь таким образом идущим из центральных уездов в Нижнее Поволжье потоком беглых. Например, в 1761 г. он покупает у А. Ю. Бахметьева за 15 рублей крестьянскую вдову с сыном, бежавшую из саранской вотчины Бахметьева в 1758 г., жившую некоторое время в саратовской деревне Шахматова и пойманную служителем Бахметьева в Саратове. Владенный указ дается Шахматову и на ее мужа, новокрещена (sic! *Е. К.*) из мордвы д. Котмис Засурского стана Пензенского уезда, сошедшего в Саратов без

¹ Дела Камер-колл. Сказки 3-ей рев. по Сарат. и Симб. уездам.

ТАБЛИЦА 2.
Купчие Алексея Лукича Шахматова на людей и крестьян.

№	Когда и где писана купчая	Кто продает	За кем и где значились души до продажи	Количество душ		Цена	В каких имениях А. Л. посеяны после покупки	Примечания
				м. п.	ж. п.			
1	1750 г.	Выпеславцов, Мих. Ст., д.-гв. Сем. п. сержант.	2 рев. — в с. Башкирцах Темниковск у, за Степ. Выпеславцовым.	1	2 дворовые.		В 1762 г. записаны в с. Бекшанке Симб. у, в 1764 г. в д. Хмелевке во дворовых.	
2	1755 г.	»	»	1 двор.			»	
3	1758 г. 12/III, Дмитриевск.	Жуков, Лукьян Ив., д.-гв. Преобр. п. прапорщ.	2 рев. — в с. Жукове, Шацк. у, за майор. Ив. Денис. Жуковым.	2	1 дворовые.	10 р.	»	
4	1758 г., 31/XII.	Загрядский, Н. А.	В с. Богородском-Солод Пенз. у.		1 двор.		»	
5	1759 г., 1/XI, Дмитриевск.	Нечаев, Аргам. Алексеев., сар.т. двор.	В с. Богородском-Алферьево Алаторск. у, за вдовой Аграф. Алексеев. Кикиной.	1	1 дворовые.	12 р.	»	Эти дворовые люди бежали от Кикиной, были сысканы Нечаевым в Саратове и куплены им в 1757 г.
6	1759 г., 31/XII, Саратов.	»	»	1 двор.		20 р.	»	
7	1760 г., 30/III, Саратов.	Прогополов, Мих. Ив., прапорщ.	С. Никольское-Ромоданово и с. Варыпасово Саранск. у. (куплены с землею).		число душ не указано.	1500 р.	»	
8	1760 г., 1/IV, Саратов.	Наумов, Николай Ив., отставн. прапорщ.	В с. Спаском-Алферьево, Саранск. у.	1	4 крестьяне.	100 р.	В 3-ю рев. запис. по г. Саратову, в 4 рев. — в д. Хмелевке, в крестьянах.	

10	1761 г., 15/Д, Саратов.	См. № 5.	1	2	30 р.	В 1762 г. запис. в с. Бекшанье, Симб. у., в 1764 г. в д. Хмелевке (во дворовых?)
11	1761 г., 10/Х, Саратов.	Мосхвитинов, Артам. Карп., сарат. купец.	2 двор.		15 р.	Куплены в бегах, пойманы в Саратове на торг. площ. В 1762 г. Шахматову дается владенн. указ и на новокрещ. из чуваш Свияжск. у., который же- нился на одной из беглых.
12	1761 г., 12/ХП, Саратов.	Бахметьев, Ал.-др Юрьев., колл. асс.	1	1	15 р.	Бежали от Бахметьева в 1758 г., пойманы в Са- ратове в 1761 г. Владени. указ дается Шахматову и на новокрещ. из моравы Пенз. у., который женился на беглой.
13	1762 г.	Казаринов, Дм., секунд.-майор.	(калм. на- ци, крещен).			
14	1763 г., 13/П, Саратов.	Парсентьев, Вас. Иван, отставн. капит.	1	1	210 р.	В 1762 г. запис. в с. Бекшанье, Симб. у., в 1764 г. в д. Хмелевке, в крестьянах.
15	1766 г., 18/П, Саратов.	Парсентьев, Петр Федор., курьер Гос. воен. колл.	6	10	90 р.	3 рев. — по г. Саратову, позже в д. Хме- левке, в крестьянах.
16	1767 г., 26/Д, Саратов.	Ребровский, П. В., отставн. прапорщ.	2	1	30 р*	
			28	30	более 2042 р.	
			Итого . . .			

письменного вида и работавшего у Шахматова. В том же 1761 г. А. Л. покупает у саратовского купца Москвитянова беглую женку с дочерью за 15 же рублей. В следующем году служитель Шахматова сыскивает ее на торговой площади в Саратове и обнаруживает, что она живет на хуторе купца Ломовцева с мужем, чувашенином Свияжского уезда. Из Саратовской воеводской канцелярии дается владенный указ и на того и на другую. Купив в 1760 г. у Наумова крестьян в Саранском уезде, Шахматов успешно хлопочет о возвращении крестьян, бежавших отсюда еще до продажи имения и поступивших на терсинский железный завод. А. Л. получает их обратно вместе с крестьянином с. Рудни и дворцовым крестьянином с. Золотого, женившимися на беглых крепостных. Но возвращенные беглецы оказывались часто непокорными. В 1768 г. Шахматов отдает золотовского крестьянина с женою на поселение, а рудвянский снова бежит от Шахматова, который снова добивается его поимки и возвращения. Дочь его в 1765 г. Шахматов продает. В 1776 г. бежит от Шахматова и сын купленной у Бахметьева беглой крестьянки. Не всегда гладко проходил и перевод крестьян. Так, еще от Алексея Тихоновича убежали переведенные им из Архангельского - Березовки в Саратов дворовый с женою, двумя сыновьями и дочерью. В 1754 г. А. Л. поймал его в Москве и получил обратно. В 1763 г. А. Л. купил 3 крестьянские семьи в Пензенском уезде и перевел их в саратовскую деревню. В 1770 г. из одной семьи отец с сыном бежали. Очевидно, это вызвало отдачу второго сына в рекруты в 1773 г. и перепродажу всех остальных крестьян этой покупки в 1781 г. Кроме этой, вероятно вынужденной, продажи сказки четвертой ревизии не отмечают других случаев — в этот период Шахматы не распродают крестьян, а наоборот их скупают. Кроме купчих, среди документов А. Л. есть несколько владенных указов на людей, добровольно вступивших в число крепостных Шахматова, — на незаконнорожденного с женой, сыном и дочерью, скитавшегося по волжским рыбным промыслам и по Иргизу, и на нескольких вольноотпущенных, которые искали себе какого-нибудь пристанища и которых А. Л. охотно принимал.¹

Так, то скупкой крестьян и беглых, то приемом добровольцев и переводом крестьян из симбирского и курмышского имений Шахматы увеличивали число крепостных душ по Саратову. Это было связано с расширением земледельческого хозяйства и заселением ряда деревень. В начале 80-х гг., души, доставшиеся Николаю Алексеевичу от отца, бабки и

¹ Сарат. Крайархив. Сказки 4-ой рев. по Сарат. у.

брата, распределялись по деревням Саратовского округа таким образом: в д. Альшанке 21 д. м. п. и 19 д. ж. п.; в с. Вязовке 15 д. м. п. и 14 д. ж. п.; при двух мельницах у д. Хлебновки (близ с. Вязовки) 2 д. м. п. и 2 д. ж. п.; в с. Хмелевках 113 д. м. п. и 107 д. ж. п.; в саду на третьей Увековке 2 д. м. п. и 2 д. ж. п.; в саду на Вторых Ключах 1 д. м. п. и 1 д. ж. п. (всего 154 д. м. п. и 145 д. ж. п. — 21 д. м. п. и 21 д. ж. п. достались в наследство от Анисьи Варфоломеевны, вдовы Луки).

Где же находились эти деревни, и когда произошло их заселение? К сожалению, здесь не все удастся выяснить.

Село Хмелевка - Святодухово - Шахматовка — теперешнее с. Святодухово - Хмелевка, до последнего районирования Саратовского уезда, при р. Волге и речке Хмелевке, в 30 в. ниже г. Саратова.

Я уже приводила сведения о том, как Шахматовы приобретали отдельными участками сенные угодья в хмелевских лугах, где в 30-х годах XVIII в. у них находилось зимовье. Очевидно, здесь и возникла их деревня Шахматовка - Хмелевка. Первое упоминание о ней встретилось под 1756 г. Я отношу ее заселение ко времени Луки Тихоновича, т. е. до 1749 г., так как в Хмелевках владели душами его вдова, дочь и оба сына. Там скорее всего и были поселены те 23 пашенных крестьянина Саратовского округа, о которых упоминается в 1741 г. В 1765 г. в Хмелевке у Алексея Лукича было 50 дворов,¹ и он подавал астраханскому епископу челобитье о постройке там церкви во имя Симеона столпника. Храмовданная грамота была дана в том же году, но постройка не состоялась, и лишь в 70-х гг. Хмелевка начинает называться селом — Святодуховым. В «опекунское межевание» 60-х гг. XVIII в. всем Шахматовым в Хмелевке было намежевано более 10 тыс. дес., из них более 6 тыс. дес. удобных к пашне.

Деревня Ольшанка (Альшанка) - Разбоевщина на речке Ольшанке, теперь Елшанке, — теперешняя д. Б. Поливановка в 10 в. от Саратова, получившая свое последнее название от Поливанова, которому Шахматовы продали Ольшанку в конце XVIII в. Первое упоминание о ней находим в 60-х гг. XVIII в., когда по «опекунскому межеванию» Шахматовым было намежевано к д. Ольшанке 4300 дес. В 1776 г. в Ольшанке значилось 22 д. м. п. и 23 д. ж. п. наличных («Ведомость о числе дворян, имеющих свои деревни» по Саратову 1777 г., дает иную цифру — за Н. А. в д. Разбоевщине показано в этой ведомости 31 д.). Вероятно

¹ Список насел. мест по свед. 1859 г., XXXVIII, Саратов. губ., № 18; Дела Камер-колл., оп. 226, в. 39, № 19; Тр. Саратов. уч. арх. ком. т. IV, вып. 2, стр. 64—67, вып. 3, стр. 82—83.

с Ольшанкой же надо связывать владенный указ 1761 г., данный Екатерине Алексеевне Шахматовой на мельницу на речке Ольшанка.¹

Село Рождественское - Вязовка на речке Вязовке или Старом Курдюме, теперь с. Рождественское - Вязовка на речке Вязовке, б. Саратовского уезда, в 37 в. от Саратова. В 1720 г. из Саратовской воеводской канцелярии была дана выпись на сенные покосы «в урочище от устья речки Вязовки вверх идучи по обе стороны до вершины той речки Вязовки» сразу 14 лицам — трем канцелярским подъячим и нескольким саратовским дворянам, между ними двум Насакиным. На этой земле возникло разнороместное с. Рождественское - Вязовка, где в конце XVIII в. было более 20 помещиков, среди которых встречаем и потомков дворян, упомянутых в выписи 1720 г. Вязовка принадлежала Шахматовым уже при Алексее Лукиче — возможно, что они получили там землю от Насакиных, которые были их собственниками, а в 1776 г. за Н. А. значилось в Вязовке 18 д. м. п. и 26 д. ж. п. наличных. Можно сослаться и на указы 1760—61 гг., по которым А. Л. были даны 3 мельницы на речке Вязовке или Ст. Курдюме. Вблизи Вязовки другая линия Шахматовых — Артамоновичи — заселила до четвертой ревизии д. Губаревку.² В 1749 г., ссылаясь на грамоту Тихону 1701 г., Шахматовы начали дело об отказе за ними земли по Терешке, но оно затянулось более чем на полвека. Кроме деревень, Алексей Лукич приобрел вблизи Саратова фруктовые сады. В 1761 г. он купил у посадского человека Ивана Алексеевича Москвитина яблонный сад на речке Третьей Увековке (ниже Саратова) за 50 р. В 1749 г. в нем было 75 больших и 94 присадочных дерева, изба, сосновый амбар и конюшня. Он носил название «Саранцева сада». Был у А. Л. и сад на Вторых Ключах близ д. Рокотовки (в 7 в. от г. Саратова), к которому в опекуновское межевание было отведено 3 десятины. Уже после смерти А. Л. вдова канцеляриста Конторы опекуновства иностранных Алексея Воробьева возбудила в Саратовском уездном суде дело о том, что А. Л. отнял этот сад у нее силой, но успеха не имела, и сад остался за Н. А. Он носил название Баженова сада. Сады были у Шахматовых и в Хмелевке (у Н. А. — два), и в Альшанке, и в Мечотном буераке.³

¹ Тр. Саратов. уч. арх. ком., т. IV, вып. 3, стр. 82—83; Рукоп. отделение Библиотеки АН 31.7. 25 — сообщено мне проф. П. Г. Любомировым; Древлехранилище, фонд канц. конфискации, № 1139/24 — сообщено мне Е. П. Подъяпольской.

² Список насел. мест. Саратов. губ., № № 34, 111; Кн. Саратов. палаты гражд. суда, оп. 4, в. 95/3067; Рукоп. отд. Нижегородск. обл. научн. об-ва краев., серия «Сенат», № 2901.

³ Кн. Саратов. палаты гражд. суда, оп. 4, вып. 92/3032, 90/2972 и 87/2871; Тр. Саратов. уч. арх. ком., т. IV, вып. 3, стр. 82—83.

То же расширение земледельческого хозяйства можно наблюдать по известиям о мельницах Алексея Лукича.

В 1760—61 гг. Алексей Лукич и его дочь Екатерина сняли из оброка, частью бессрочно, частью во временное содержание, 5 мельниц — три на речке Вязовке, одну на речке Хмелевке и одну на Ольшанке, за которые платили 12 р. 82 коп. оброка. Одну из мельниц на Вязовке А. Л. снимал в компании с саратовским купцом Ив. Москвитиновым. В 1767 г. А. Л. снял мельницу за Волгой на речке Мечотной, близ Хмелевки. В 1772 г. он платил оброк за 6 мельниц — всего 7 р. 55³/₄ к. Из них мельницы на Хмелевке, Елшанке и Вязовке совпадали, вероятно, со снятыми в 1761 г., но одна была новая — на речке Латрыке, бывшая ранее за купцом Халезовым. Эти данные особенно показательны при сравнении с 30-ми годами, когда у Шахматовых совсем не было мельниц в Саратовском округе. Заводя их в разных местах, чаще всего близ своих деревень, А. Л. проявлял иногда большую настойчивость в их получении. Примером может служить дело о выдаче ему владенного указа на мельницу на речке Вязовке, которая была ранее за отставным прапорщиком Мих. Протопоповым и была отдана Шахматову явно незаконно, только потому, что он был сильным человеком. Своим влиянием А. Л. пользовался и в других случаях. Так, в 1756 г. у него в Хмелевках был заведен куб для курения вина в 10 ведер, хотя по рангу ему полагалось только 4³/₄ ведра. Куб был взят воеводской канцелярией и изломан. В 1757 г. А. Л. завел куб при своем дворе в Дмитриевске, где он в это время служил, и опять с превышением указной меры — в 7 ведер. Камер-коллегия, узнав об этом, предписала куб отобрать, а на дмитриевскую канцелярию наложить штраф в 50 р., хотя та в свое оправдание указывала, что «оное учинила не с вымыслу и не изо взятков, но от конечного недознания и простоты... к тому же и для ево Шахматова штапского чину, не хотя учинить ему неудовольствия... для ево Шахматова усиленной просьбы...»¹ Наконец, в 1764 г. Анистья Варфоломеевна, Алексей и Артамон Лукичи, Анастасия Лукинишна, Николай и Павел Алексеевичи, вместе с отставным прапорщиком Толпыгиным и его сыном, заклеили 3 куба в 22 ведра, на этот раз согласно указной пропорции, с обязательством варить вино в д. Хмелевке на пристойном открытом месте. Вино варили, судя по размерам кубов, скорее всего для собственного домашнего расхода и из своего зерна.¹

¹ Дела Камер-колл., оп. 226, в. 39, № 19, в. 62, № 8.

Так, по разным признакам мы можем догадываться, что в 40-ые, 50-ые, 60-ые годы Шахматовы приступили к организации в черноземном саратовском крае, земледельческого хозяйства, ликвидируя его в других, более отдаленных от Саратова имениях. К сожалению, сведения о внутреннем распорядке этого хозяйства совершенно отсутствуют.

Все изложенное показывает разнообразную и энергичную хозяйственную деятельность старших поколений Шахматовской семьи. Она приносила свои плоды—Шахматовы в половине XVIII в. выдавались в Саратове не только служебным положением, но и богатством. В семейной хронике Е. А. Масальской-Суриной записано сохранившееся в семье устное предание: Лука Тихонович будто бы был так богат, что персидские послы, остановившись в Саратове, забавлялись игрой в жемчуг и драгоценные камни, сидя на турецких коврах дома Шахматовых. При Луке персидские послы проезжали через Саратов в 1733 и 1741 гг., причем последний раз Лука Тихонович состоял при посольстве приставом, так что основа этого предания вполне правдоподобна. Интересен и восточный колорит в описании обстановки дома Шахматовых. В 1753 г. Алексей и Артамон Лукич отдали замуж сестру Анну и дали за ней по рядной записи приданое—двух девок, 500 р. денег и движимого имения на 2239 р., драгоценностей, платья, белья. Уже после 1774 г. Мария Артамоновна была выдана замуж за внука П. И. Рычкова, Петра Андреевича Рычкова. Рассказ о женитьбе сохранился в отрывке из семейных записок Рожновых (Рычковых), напечатанных в Библиотеке для Чтения.¹ Свадьба состоялась в Саратове с пирами и банкетами, которые продолжались почти целый месяц, народу была тьма-тьмуца. За Марией Артамоновной Рычковой было дано роскошное по тому времени приданое. Щеголеватая одежда ее прислуги долго служила предметом общего удивления в оренбургском имении Рычкова. Сама Мария Артамоновна описана как девушка светская и образованная, которая знала иностранные языки и ловко танцевала. О том же достатке говорят и цифры пограбленного у Шахматовых в 1774 г. имущества—у вдовы Алексея Лукича более чем на 13 тыс. р., между прочим лошадей 78, у вдовы Артамона Лукича более чем на 10 тыс. р., в том числе денег золотой и серебряной монетой на 5 тыс., у жены Николая Алексеевича более чем на 5 тыс. По воспоминаниям Кропотова, Алексей Лукич имел в Саратове каменный дом.²

¹ 1862 г., № 2. Ср. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, Спб. 1867.

² Тр. Сарат. уч. арх. ком., т. I, вып. V.

ХОЗЯЙСТВО САРАТОВСКИХ ДВОРЯН ШАХМАТОВЫХ В XVIII ВЕКЕ

Е. Н. КУШЕВОЙ

(Представлено академиком С. Ф. Платоновым в заседании Отделения Гуманитарных Наук
10 апреля 1929 года)

Часть вторая¹

Алексей Лукич умер в начале 1773 г. Следующая эпоха — эпоха Николая Алексеевича — относится к 70—90-м гг. XVIII в., когда он, кончив в 1773 г. военную службу, начал служить и жить в Саратове. При нем те новые пути хозяйства, которые наметились уже при Алексее Лукиче, получили свое полное развитие. Это были годы, когда усиленно шла колонизация плодородного саратовского края и расхватывалась там земля. Нельзя было упускать момента, и Н. А. с большим напряжением принимает участие в этой борьбе за землю. Для ее освоения нужны были крестьяне. Поэтому опять начну с данных о душевладении Н. А.

Н. А. ликвидировал окончательно земельные владения в Курмышском и Симбирском уездах: курмышскую землю он продал в 1779 г. жене колл. асс. Александре Яковлевне Краминой за 1400 р., а симбирскую в 1793 г. л.-гв. подпоруч. Алексею Григорьевичу Безобразову за 1550 р. (тогда же Артамоновичи продали свою часть за такую же сумму)² и все свое внимание направил на саратовские деревни, где после смерти Алексея Лукича и брата Павла имел 154 д. м. п. и 145 д. ж. п. по третьей ревизии. К 80-м гг. число душ за Н. А. не только не увеличилось, но даже уменьшилось — по четвертой ревизии 1782 г. за ним числилось 164 д. м. п. и 146 д. ж. п. (из них дворовых 2 д. м. п. и 1 д. ж. п. — ср. с цифрами

¹ См. ИОГН, 1929, № 7, стр. 575.

² Вотч. архив. Дела молодых лет по г. Казани, кн. 254/18; Кн. Саратов. палаты гражд. суда, оп. 4, в. 92, № 3019, л. 22 об.

3-ей рев.),¹ но с продажей в 1783 г. 27 д. м. п. и 21 д. ж. п. в Ольшанке, губернатору Поливанову, осталось только 137 д. м. п. и 125 д. ж. п. Это уменьшение надо связывать скорее всего с пугачевщиной, от которой Шахматовы, как мы видели, сильно пострадали, и которая могла остановить прикупку душ. Зато пятая ревизия дает опять резкое повышение числа душ — 432 д. м. п. и 421 д. ж. п., из которых 334 д. м. п. и 324 д. ж. п. значились купленными.²

С 1780 по 1796 г. мне известны 13 покупок Н. А.³ который приобретал крестьян и без земли, на вывод, и с землею. Всего им было куплено 575 д. м. п. и 533 д. ж. п. (227 д. м. п. и 191 д. ж. п. он потом снова продал)⁴ на сумму не менее 58325 р. (стоимость одной покупки полностью мне неизвестна). В то время как Алексей Лукич скупал крестьян по мелочам, по одной по две души, у Н. А. покупка приобретает более широкий размах. В 1789 г. он покупает у Варв. Вас. Чертковой, дочери саратовского и воронежского генерал-губернатора и родственницы жены Н. А., с Бузовку Алексопольского уезда Екатеринославского наместничества с 12 тыс. дес. удобной земли, 5791 дес. неудобной, господским домом, 3 ветряными мельницами, 246 д. м. п. и 212 д. ж. п. по четвертой ревизии. Тогда же он дает Черткову закладную на 20 тыс. р. под залог этого купленного имения сроком на 6 лет — очевидно Н. А. купил имение в долг (может быть часть денег уплатил наличными). Однако, эта попытка развернуть хозяйство и на южно-русском черноземе оказалась не под силу Н. А. В 1793 г. он продал Бузовку поруч. Ив. Андр. Сушкову со всею землею и крестьянами, за исключением 19 д. м. п. и 21 д. ж. п. (малороссиян), переведенных в Хмелевку, за 35 тыс. рублей, часть получил наличными и выплатил долг Черткову, а на остальные 16.500 р. взял у Сушкова закладную. В марте того же 1793 г. Н. А. купил за 2 тыс. р. землю и крестьян у братьев Аблязовых в разнопоместном с. Архангельском-Ст. Чирчиме Кузнецкого уезда — 31 д. м. п. и 24 д. ж. п., а земли 56 четв. в поле. Всех крестьян оттуда он перевел в Хмелевку, а землю в декабре того же года продал поруч.

¹ По деревням души распределялись таким образом: д. Ольшанка — 38 д. м. п. 26 ж. п., с. Вязовка и вязовские мельницы — 18 д. м. п. и 23 д. ж. п., с. Хмелевка и сады — 108 д. м. п. и 97 д. ж. п.

² Дворовых в пятую ревизию совсем не показано, но из других документов видно, что они у Шахматовых в этот период были. По деревням души распределялись таким образом: с. Хмелевка — 177 д. м. п. и 193 д. ж. п., с. Вязовка — 14 д. м. п. и 13 д. ж. п. с. Арханг.-Аряш 131 д. м. п. и 117 д. ж. п. Чардым-Александр. 110 д. м. п. и 98 д. ж. п.

³ См. таблицу 8.

⁴ Эти цифры не дают точного количества душ, купленных Н. А., так как в купчих указываются иногда наличные души, иногда ревизские — по 4 и 5 ревизиям.

Философову за 2 же тыс. рублей. На другой год Н. А. покупает за 4050 р. 59 д. (по 4-ой рев.; по 5-ой — 37 д. м. п. и 62 д. ж. п.) у помещицы Струковой в д. Ужевке Ардатовского округа Нижегородского наместничества — с земли на вывод, с их имуществом, скотом, дворовым строением и хлебом. Их он переводит опять таки в Хмелевку. Там же мы находим крестьян, купленных Шахматовыми в разные годы у разных помещиков в сельце Анфалове Московской губернии, д. Губаревке Саратовской округи, с. Рождественском-Дьячевке Петровской округи, д. Алферовке Сердобского округа, д. Чернавке Балашовской округи Саратовского наместничества, — всего 19 д. м. п. и 19 д. ж. п. К 1795 г. относится новая крупная покупка Н. А. — он покупает у сестер графинь Девиер сельцо Архангельское-Аряш-Булгаково на речке Аряше Кузнецкой округи, теперь сельцо Аряш б. Кузнецкого уезда, недалеко от впадения речки Аряш в Узу. Кузнецкий уезд вероятно привлек Н. А. своими лесами, которых у него не хватало в имениях близ Саратова, — в Аряше был лес, казавшийся «с виду... огромным». По пятой ревизии в Аряше значилось 241 д. м. п. и 215 д. ж. п. Сейчас же после покупки Н. А. переводит 110 д. м. п. и 98 д. ж. п. в новопоселенную д. Чардым, названную в честь его сына также Александровкой, теперь д. Аряш б. Саратовского у. на речке Чардыме в 48 верстах от Саратова.¹ Деревня была поселена на той земле, где, как мы видели, у Шахматовых издавна были обширнейшие сенокосные угодья — по межеванию начала XIX века на Александровку было намежевано 2308 дес. Аряш стоил Н. А. 28.750 р. При покупке он дал графиням Девиер закладную на 10 тыс. р. под залог Аряша, но уплатил долг уже в следующем году.

Н. А. сделал попытку приобрести земельные владения и в заволжских степях. В 1788 г., пользуясь рескриптом 1785 г. о раздаче пустых земель Саратовского наместничества, Н. А. просил ген.-губ. Черткова об отводе ему за Волгой по речкам Мечетной, Криуши и по Волге 8 тыс. десятин «для скотоводства». Н. А. было назначено к отводу 2 участка близ Зауморской слободы (почти против Хмелевки), всего около 7 тыс. десятин. Судьба этих земель в дальнейшем мне неизвестна. Там же за Волгой, у колонии Козицкой, Н. А. снимал казенные сенные покосы.

Таким образом, колонизационная деятельность Н. А. протекала в более широких размерах, чем у А. Л. По купчим Н. А. можно заметить, что идет оживленная перепродажа крестьян, набивающая им цену. Так, в 1790 г.

¹ Список насел. мест Сарат. губ., №№ 106 и 1189.

ТАБЛИЦА 3.
Купчие Николая Алексеевича Шахматова на землю, людей и крестьян.

№	Когда и где писана купчая.	Кто продал.	За кем и где значились души до продажи.	Количество душ		Количество земли.	Цена.	В какое имение П. А. души перенесены после покупки.	Примечания.
				м. п.	ж. п.				
1	1780 г., 10/XII, Саратов.	Неслов, Матвей Вас., полпор. СПб. драг. полка.		2 двор.			25 р.	4 рев.—в с. Хмелевке во крестьянах.	Купчая писана по доверенн. от Неслова колл. регистр. Алексеем Ив. Марковым.
2	1785 г., 17/II, Саратов.	Зубарев, Ив. Павл., колл. асс.		1 кр-ка.			50 р.	?	Была куплена Зубаревым в 1775 г. у премьер-майора П. А. Собакина.
3	1788 г., 13/III, Саратов.	Сергеев, Петр Ив., капитан.	4 рев. — в с-це Анеялове Бронницк. окр. Моск. губ., за Сергеевым.	1 двор, 4 двор.			50 р.	5 рев.—в с. Хмелевке во крестьянах.	
4	1788 г., Воронеж (?).	Черткова, Варвара Вас., девица, дочь Вас. Алексеев. Черткова.	с. Бузовка Александровск. у. Екатериновск. у. наместн.	246 по 4 рев.	12.000 дес. удобн. и 7791 дес. неудобн.		Не менее 20.000 р.	19 д. м. п. и 21 д. ж. п. переведены до 1795 г. в с. Хмелевку.	В том же году Н. А. длет в Воронеже Черткову закладную на 20.000 р. под залог с. Бузовки — очелвино, купил ее в долг. В 1793 г. продает со всеми крестьянами, кроме перев. в с. Хмелевку, за 35.000 р. поручику Ив. Андр. Сушкову.
5	1792 г., 29/II, Саратов.	Гренберг, Хр. Мих., колл. асс.	В д. Губаревке Саратов. окр. и наместн.	6 крестьян.		На вывод.	400 р.	5 рев.—в с. Хмелевке во крестьянах.	Гренберг в свою очередь купил кр-н в 1790 г. у помещицы Кравковой в д. Хоненевке Саратов. наместн. за 100 р.

6	1792 г., 31/V, Саратов.	Скаржинский, Петр Мих., бригадир, правитель дел Кавказск. наместн.	4 рев.—в с. Рождеств.-Дьячеве Петровск. окр. Саратов. нам. за капит. Мих. Мих. Киревым.	7	5	На вывод.	1700 р.	5 рев.—в с. Хмелевке во крестьянах.	Куплены Скаржинским 22/III 1792 г., на вывоз же у Дм. Мих. Кирева за 1100 р.
7	1792 г., 26/IV, Саратов.	Попов, Павел Семен., капит. Астрах. казачьего полка.	»	1	крестьян.	На вывод.	50 р.	»	Куплен Поповым 29/III, 1792 г. у Дм. Мих. Кирева за 50 р.
8	1793 г., 28/III, Саратов.	Аблязовы, Ал-ндр и Ив. Петр., сержанты.	с. Архангельское-Ст. Чирчим Кузнецк. окр. Саратов. наместн.	31	24	56 четв. в поле со всеми угодьями.	2000 р.	»	Земля продана Н. А. 23/XII 1793 г., в Саратов, арм. поручику Ив. Никит. Философову за 2000 р.
9	1793 г., 6/IV, Саратов.	Алферьев, Никол. Ив., прапорщик.	В д. Алферьевке Сердобск. окр. Саратов. наместн.	3	3		1000 р.	»	»
10	1794 г., 3/X, Саратов.	Струкова, Марья Ив., жена кригсшам. пр.-м. Н. С. Струкова.	В д. Ужевке Ардатовск. окр. Нижегород. нам., за Марьей Вас. Чириковой.	37	62	На вывод.	4050 р.	»	Струкова купила крестьян в 1792 г. у д. ст. сов. Афан. Ив. Чирикова.
11	1795 г., 19/V, Саратов.	Давыдова, Надежда Никитишна, сек.-майорша.	4 рев.—в д. Чернавке Балашовск. окр. Саратов. наместн., за капит. Ив. Скорягиным.	1	1		50 р.	»	Давыдовой куплены в 1792 г. от ротмистра Праск. Ив. Антоновой.
12	1795 г., 26/V, Саратов.	Девнер, Нат. и Ел. Антон., графини.	С-по Архангельское-Аряш Кузнецк. окр. Саратов. наместн.	241	215	С землею	28,750 р.	110 д. м. п. и 98 д. ж. п. переданы в д. Чардым Саратов. окр.	28/IV 1795 г. Н. А. дал Девнер закладную на 10000 р. под залог Аряша.
13	1796 г., 12/II, Саратов.	Иванов, Мих. Ив., колл. секр.	»	1	двор.		200 р.		Иванов купил его у Девнер в 1793 г.
				Итого . . .	575	533			
									Не менее 58,325 р.

колл. асс. Гренберг, саратовский почтмейстер, покупает в д. Хоненевке у помещицы Кравковой на вывоз 6 д. м. п. и 4 д. ж. п. за 100 р., а в 1792 г. перепродает их Шахматову за 400 р. В марте 1792 г. астраханский обер-комендант Скаржинский покупает в Петровской округе Саратовского наместничества 7 д. м. п. и 5 д. ж. п. за 1100 р., а в мае того же года перепродает их за 1700 р. Н. А., который, видимо, не жалеет денег для скужки крестьян. Но Ольшанка и Вязовка не пользовались его вниманием—может быть потому, что разнопоместная Вязовка и подгородная Ольшанка не давали возможности развернуть запашку. В Вязовке по четвертой ревизии 18 д. м. п. и 23 д. ж. п., по пятой ревизии—14 д. м. п. и 13 д. ж. п.—одна семья переведена в Хмелевку. В 1796 г. он продал там еще одного крестьянина с женою и одного вдового И. И. Огареву за 100 р. Из Ольшанки Н. А. в 1783 г. 12 д. м. п. и 6 д. ж. п. перевел в Хмелевку, а остальные 27 и 21 душу с землею продал губернатору Поливанову. Но как у А. Л., так и у Н. А. переселение крестьян не всегда проходило удачно. Из переселенных из Бузовки в Хмелевку 40 д. малороссиян обоего пола в 1794 г. бежало 16 душ (некоторых потом находили в Бузовке), да и вообще бегство крестьян усилилось, что вероятно отмечает усиленную их эксплуатацию. Между третьей и четвертой ревизиями от А. Л. и Н. А. бежало 4 д. об. п. и были отданы на поселение 2 души. Между четвертой и пятой ревизиями были отданы на поселение и на каторгу по одному, бежало 18 д., да 16 д., переведенных из Бузовки. Еще заметнее эти явления по другой линии Шахматовых—Артамоновичей. Наследство Артамона Лукича оказалось очень раздробленным между его вдовой и четырьмя детьми. Поэтому эта линия Шахматовых оказалась хозяйственно более слабой, и у нее количество душ не возрастает, а падает, и прикупок крестьян почти нет. По третьей ревизии за ними 136 д. м. п. и 101 д. ж. п., по четвертой—137 и 143, по пятой—95 и 117 душ. Несмотря на это и Артамоновичи стремятся заселить новые деревни—между четвертой и пятой ревизиями заселяют в Саратовской округе д. Новые Уметы (на реке Чардыме), Курдюмский Умет (на р. Курдюме) и крестьянами жены Александра Артамоновича, переведенными из Сердобской округи, д. Колотов Буерак (близ Хмелевки), между пятой и шестой ревизиями д. Ивановку и Буркин Буерак (близ Хмелевки). Эта колонизация без прикупки душ должна была тяжело ложиться на крестьян и вызывала в ответ их бегство. Между третьей и четвертой ревизиями бежало 20 д. об. п., между четвертой и пятой ревизиями 55 д., а если считать и души, переведенные в Колотов Буерак, 73 д. Таким образом, бегство крестьян принимает катастрофические размеры.

В некоторых случаях его можно связывать с переселением — из переселенных в Колотов Буерак 145 д. об. п. бежало 18 д. Но здесь была и другая причина — личные черты некоторых из Артамоновичей. В 1797 г. Прасковья Ивановна, вдова Артамона Лукича, сама просила назначить опеку над сыном Иваном, «за невоздержанное житие и дурное поведение, предосудительное благородному человеку» (впоследствии, ссылаясь на то, что сын «весьма исправился», она отказалась от этого плана), а Александр Артамонович, по словам свящ. Н. Г. Скопина, человек развратный, нрава гордого и грубого, часто наказывавший крестьян, был в 1814 г. убит в Хмелевках своим поваром, которого он высек, и беглыми солдатами.

Сведений о внутренней организации хозяйства Н. А. опять-таки мало. Собирая их, я пользовалась и теми, которые относятся ко времени его вдовы. Она пережила мужа всего двумя годами и за это время не могла успеть ввести какие-либо большие изменения в уклад вотчин мужа.

В Шахматовском архиве есть некоторые сведения по Чардыму первых лет его заселения, 1795—97 годах. По сказкам 1795 г. в Чардыме значилось 110 д. м. п. и 98 д. ж. п., но в 1796 г. туда была переведена лишь часть этих крестьян — 45 д. м. п. и 38 д. ж. п., составивших 19 тягол. У них было 36 лошадей, 13 жеребят, 23 коровы, 3 телки, бык, овец и баранов 143. В 1795 г. в Чардыме уже строились избы — из Саратова туда было послано 15 кулей моха. В 1796 г. крестьянам выдали по 2 р. на тягло — очевидно на обзаведение на новых местах. Для того, чтобы поднять залог в чардымских непаханных степях, пригнали 62 рабочих быка из Хмелевки. В 1795 г. было поднято 198 дес. весеннего и 34 осеннего залога, всего 232 дес. Из них на 1796 г. было засеяно господской рожью 130 дес. и просом $52\frac{1}{2}$ дес., а мужикам дано $49\frac{1}{2}$ дес. — по $2\frac{1}{2}$ дес. на тягло. Весною 1796 г. было поднято еще 25 дес. залога; на 1797 г. господской рожью было засеяно уже только 55 дес., а 166 дес. оставлены под яровое. Крестьянам, которых в это время осталось 18 тягол, отдано по 2 дес. на тягло — 36 дес. Весною 1797 г. было поднято еще 67 дес. Так шло постепенное расширение господской запашки, но не для посевов ржи, а для яровых посевов. В то время как в 1796 г. господской рожью было засеяно 130 дес., в 1797 г. — 55 дес., в 1798 г. и господской и крестьянской только 67 дес. В этом году в Чардыме сеялась рожь, пшеница, просо и овес, туда посылались арбузные и огуречные семена. В 1806 г. в Чардыме было уже 1158 дес. пашни, 110 — сенных покосов, 18 дес. лесу и 600 дес. степи, всего 2308 дес. Но в первые годы заселения, сопряженного с расходами, Чардым вряд ли давал много дохода.

А 72 491

Мы видим, что чардымские крестьяне были на барщине с первого же года их поселения — 1795 г. Таково же было положение аряшинских крестьян с первого года их покупки. Для наблюдения за крестьянами и «экономиею господскою» туда был послан Иван Прокофьев, из дворовых людей с. Хмелевки. На барщине же были в конце XVIII в. все остальные имения Шахматовых. Для Вязовки такой порядок можно установить уже в 1787 г. К барским работам Н. А. старался там привлечь и бобылей соседних деревень Мизиновки и Лапшиновки за право косить сено в вязовских лугах. Бобыли, впрочем, считали пожни своими и писали в прошении сенаторам Воронцову и Нарышкину, что Шахматов, захватив себе их сенные покосы, «присваивает их (бобылей) в точное повиновение себе, чтобы они на него работали». В Хмелевке при господских работах употреблялся и господский скот — в 1798 г. там во дворе было 136 лошадей и 83 вола, которые были необходимы для пахоты в степях плугами. Хлеб из имений Шахматова — пшено, ободранное на его мельницах, овес, рожь, ржаная и пшеничная мука в кулях — отвозился в Саратов, где продавался саратовским купцам. При плодородии земли в саратовских имениях и удобстве сбыта в приволжском Саратове продажа хлеба и составляла главный доход, на котором строились все расчеты. Кроме того, доставляли доход скотоводство и сады — один из них (на Ключах) был продан Н. А. в 1793 г. жене саратовского купца за 8 тыс. р.

Был ли барщинный порядок исконным в шахматовских имениях или составлял нововведение Н. А., связанное с расширением запашки и интенсификацией хозяйства? Некоторые указания на этот счет, хотя и не вполне определенные, дает опись Хмелевки, Вязовки и Елшанки, произведенная в 1776 г., когда за неплатеж долга Государственному банку, в Петербурге, имение Шахматова назначалось к конфискации. Приведу ее полностью¹ (см. стр. 682).

В ведомости нет никакого упоминания о господской пашне, хотя такого рода указания встречаются в других описях канцелярии конфискации. Обращает на себя внимание большое количество скота у крестьян, распределяющегося к тому же неравномерно между семьями; некоторые из них прямо выдаются своею зажиточностью (см. № 1 в ведомости по д. Елшанке). Эти признаки скорее подходят для оброчных деревень. Если такое предположение верно, мы имеем факт перевода крестьян с оброка на барщину, совершившийся в 80-х годах XVIII в. Тогда с этим

¹ Фонд канцелярии конфискации, № 1139/24. Опись сообщена мне Е. П. Подъяпольской.

нововведением надо связывать усиление бегства крестьян между четвертой и пятой ревизиями.

Шахматовский архив дает некоторое представление и о вотчинной администрации Н. А. Главным лицом в хозяйстве Шахматова был его слуга Филипп Игнатьевич Карамышев, из крестьян д. Альпанки. Его роль в хозяйстве Н. А. становится заметной с начала 80-х гг., когда ему было около 30 лет, и продолжается при вдове Н. А. и его сыне до 1817 г., когда он был уже стариком. Он был универсальным управляющим Шахматова по всем отраслям хозяйства и вместе с тем его письмоводителем: с 80-х гг. все бумаги шахматовского архива, исходившие из дома Н. А., писаны его почерком. Он входит во все мелочи хозяйства деревень, делает записи о приходе муки с мельниц, об умолоте хлеба, ведет переписку со старостами деревень, с барином и барыней относительно разных вопросов хозяйства и домоуправления, подписываясь: «раб ваш Филип Карамышев»; он ведает заселением Чардыма; его рукой писаны все ревизские сказки четвертой и пятой ревизий по имениям Н. А. Он же вносит все государственные денежные сборы, ведет судебные дела Шахматова, пишет и подает челобитья и доношения, по доверенности получает деньги на векселя и закладные или выплачивает их. В то же время он входит во все распоряжения по дому — городскому и деревенскому. Его рукой сделаны записи, «сколько и кем перебито фаянсовой посуды»,¹ сколько посуды куплено, сколько оставлено в городе или отправлено с барыней в деревню, сколько принято столового белья, сколько наварено ягодников-варенья. Он же, как особо доверенное лицо, пишет черновик духовной Авдотьи Григорьевны. Из бумаг шахматовского архива времени Н. А. не видно, чтобы у него было что-либо вроде вотчинной конторы — все письменные дела сосредоточивались, видимо, в руках одного Филиппа Игнатьева. В связи с этим не видно, чтобы была правильно налажена отчетность. Все записи Игнатьева, сохранившиеся в архиве, имеют не систематический, а отрывочный, черновой

¹ Приведу ее, как образчик записей Игнатьева:

«сколько и кем перебито фаянсовой посуды
 александрию ефимовым . . . . . 2 тарелки
 сергеем . . . . . 2 тарелки
 им же еще вдруг разбито . . . . . 1 блюда круглое
 . . . . . 1 латок
 с соусника крышка
 аяна разбила на кухне соусник
 матрешкою разбито . . . (не разобр.)
 2 тарелки
 домна тарелку 1
 азия тарелку 1
 естигнея блюда . . . . . 1».

характер. Приходо-расходных книг, видимо, не велось совсем. По крайней мере, после смерти мужа, в 1798 г., Авдотья Григорьевна на запрос предводителя дворянства о доходах и расходах по имениям отвечала, что у нее «бухгалтерии домашней нет», и назвала лишь приблизительную цифру — «в один год получить могу тысяч до 2-х, а в другой меньше».

Н. А., вполне доверяя Филиппу Игнатьеву, не был однако совершенно удовлетворен таким способом ведения хозяйства и подумывал о замене Игнатьева новым, более квалифицированным лицом. В 1794 г. Лодыженский по его просьбе подыскивает ему в Москве «управителя». Вообще Н. А. не остался чужд вопросам рационализации хозяйства. В 1787 г. тот же Лодыженский обещает ему в письме прислать из Москвы с оказией (приехавшим из Саратова по делам купцом) «книги достальные Экономического магазина», известного Болотовского журнала, вместе с курительным табаком. В Губаревской библиотеке среди сохранившихся книг XVIII в., опись которых дошла до нас в бумагах Е. А. Масальской-Суриной, находилось несколько книг этого журнала за 80-ые гг., в желтых кожаных переплетах, с надписью «Михаил Лодыженский». Он, следовательно, пересылал Шахматову свои экземпляры. Были в Губаревской библиотеке и отдельные томы трудов Вольного экономического общества за 60-ые, 70-ые и 80-ые годы. К тем же попыткам рациональной постановки хозяйства надо отнести и французскую книгу «La bonne Fermière, ou éléments économiques, utiles aux jeunes Personnes destinées à cet état. A Lille. 1767»,¹ с которой я знакомилась по экземпляру Публичной библиотеки им. Ленина и которая дает подробные наставления по ведению домашнего хозяйства, содержанию кухни, погреба, огорода, скотного двора и птичника.² Сюда же отчасти можно отнести и переведенный с французского «Политический опыт о коммерции. СПб. При Имп. Академии Наук. 1768». Очень любопытно было бы знать, применялись ли в хозяйстве Шахматова наставления этой

¹ В списке Е. А. Масальской-Суриной помечен 1766 г.

² Приведу оглавление этой книжечки: Discours introductif. Chap. I. La bonne Fermière dans son Domestique. Chap. II. La bonne Fermière dans sa Cuisine, avec toutes les parties qui y on rapport. I. La Cuisine. II. Le Pain ou la Boulangerie. III. La Relaverie. IV. Le Grenier. V. La Cave et les Saloirs. VI. La Laiterie. VII. La Fromagerie. VIII. La Fruiterie. IX. Le Potager. Chap. III. La bonne Fermière dans sa Basse-cour, avec tout le détail qui en dépend. I. La Vacherie. II. Les Elèves ou Bêtes oiseuses. III. Le Taureau. IV. L'engrais des Bêtes à Cornes. Du Veau. V. Des Boeufs. VI. Résultat sur l'engrais des Bêtes à cornes, avec le détail de leurs maladies et les remèdes. VII. Les Cochons. VIII. Ce que la bonne Fermière doit savoir des Chevaux et des Moutons. Chap. IV. La bonne Fermière en sa Volaille. I. Le Poulailier. II. Les Dindons. III. Les Canards. IV. Les Oies. V. Les Pigeons. Portrait général de la bonne Fermière et conclusion de l'ouvrage.

литературы, по здесь не могу дать никаких сведений, кроме упоминания о посеве многоплодного овса в 1797 г.

Вместе с расширением и напряжением хозяйственной деятельности можно уловить по отдельным намекам и изменение строя жизни шахматовской семьи. Н. А., занимая видное место в чиновничьем мире Саратова и в продолжении 4 лет должность уездного предводителя дворянства, должен был создать соответствующую своему положению обстановку жизни.

В наследство от отца Н. А. получил несколько дворовых мест в городе, не менее трех. Одно, в троицком приходе, в 1042 кв. саж., с садом в 102 кв. саж., было отведено А. Л. еще в 1757 г. после пожара города, и тогда же очевидно А. Л. и построил там себе деревянный дом. Два других — в казанском приходе на хлебном базаре 21×9 саж. и на верхнем базаре 18×10 саж. — были скорее всего связаны еще с торговыми операциями старших поколений Шахматовых и были Н. А. проданы — одно в 1779 г. корнету Тих. Ив. Таузакову, который перепродал его в 1784 г. саратовскому мещанину Коширину за 216 р., другое — в 1792 г. жене саратовского купца Ив. Ст. Калабзарова за 100 р. Но и отцовский дом уже не удовлетворял Н. А. — могла не нравиться его устаревшая постройка и местоположение — троицкий приход считался по преимуществу купеческим районом. В ноябре 1795 г. Н. А. продал его за 2500 р. (сумма очень крупная) саратовскому купцу Ст. Ив. Чесоводцеву, а в январе 1795 г. и в ноябре 1796 г. купил в сергиевском приходе два других. Один из них был куплен Астраханским губернатором Никитой Афан. Бекетовым у поручика, потом генерала Николая Ив. Бахметьева, затем в 1786 г. перепродан Бекетовым за 1500 р. брату саратовского губернатора капит. Николаю Игнатьевичу Поливанову, который в свою очередь перепродал его Н. А. за 1100 р. Дом был деревянный о девяти покоях, мерою 13×4 саж., находился на берегу Волги, к которой спускалось 19 амбаров, подходивших весною к самой воде. Дворовое место занимало 78×33 саж. Этот дом носил у Шахматовых название «Бекетовского» дома. В 1798 г. он назван «самым ветхим», и там Шахматовы после покупки второго дома не жили, а амбары сдавали в наем. Второй дом был выстроен богатым саратовским помещиком Иваном Ильичем Огаревым на месте, купленном в 1789 г. за 100 р. у вдовы саратовского коменданта С. И. Зоргер, в 1790 г. перепродан им со всей мебелью за 1 тыс. р. колл. советнице А. Д. Кикиной, а в 1796 г. куплен у нее за ту же цену Шахматовым. Он находился опять-таки в сергиевском приходе, был деревянный на каменном фундаменте, об одиннадцати покоях, мерою 14×7 саж.; по бокам было 2 флигеля, во дворе

людские избы, конюшня и баня, при доме сад. В нем Шахматовы и жили.¹ Деревенский дом Шахматовых находился в Хмелевках; там между прочим была и библиотека — «книги на французском, немецком и российском языках» — и «разные картины». «Господское хоромное строение» было и в Ольпанке и в Аряше, купленном Н. А. у Девиер. В 90-х гг. в Хмелевках идет какая то стройка — туда из Саратова отправляют кирпич и на дощанике Волгой алебастр. Тогда же Лодыженский по поручению Н. А. покупает в Москве краски, зеркальные стекла и люстры «из меди с позолотой и хрустальными подвесками грушами, в середине на медном пруте штуки разных цветов и фигур» — по этому описанию легко можно узнать люстры, столь хорошо знакомые по барским домам-музеям XVIII в. Сохранился и писанный рукою Филиппа Игнатьева «регистр мебели, принадлежащей х купцуному дому Ивана Ильича Огарева» — 2 трюмо, 6 круглых зеркал, 2 люстры и 2 фонаря, 4 ломберных стола, 19 стульев красных, т. е. красного дерева, с черными подушками, 5 белых с красными подушками, 8 — с черными, 34 кресла трех сортов — голубых и желтых гарусных и поло- сатых затрапезных, 5 канапе (Филипп Игнатьев пишет «конопей»). Сохранились и реестры посуды — они показывают, что набор посуды был рассчитан на открытую жизнь и приемы гостей. Например, в 1789 г. в городе оставили 9¹/₂ дюжин фаянсовых тарелок, в деревню отправили 4 дюжины и вновь купили 6 дюжин. Упоминается «аглицкая посуда», очевидно английского фарфора. Лодыженский покупает в Москве для Н. А. 100 дюжин карт. Ему же поручает Н. А. найти садовника и посылает в Москву на учение четырех «робяток» — парикмахера Федьку, портного Митьку, «живописца» Тришку и поваренка Гришку. Трое учатся у разных мастеров по контрактам, а поваренок в доме самого Лодыженского, у которого «готовят изрядно» и который живет в Москве широко, имея около 100 душ дворовых (хотя жалуется на дороговизну и недостаток денег). Окончить курс наук Гришка должен у повара «аглинского клуба». Приучается он у Лодыженского и к должности фореитора, и Лодыженский очень одобряет его «крик». Заводит Н. А. и своих крепостных музыкантов, которые учатся «на музыке» у учителя в Саратове. Для них заведены какие-то однородные одеяния, так как в 1795 г. покупается музыкантам крашенина под шапки, 33 пары крючков на кушаки, 200 гвоздей подбивать сапоги и 8 азбук. К тем же заботам о кухне, о выезде, о развлечениях гостей надо отнести

¹ Дела Сарат. палаты гражд. суда, оп. 4, в. 60/2235; Кн. той же палаты, оп. 4, в. 92, № 3005/44, в. 94, № 3055/104, в. 87, № 2886, л. 5—6, в. 89, № 2915, л. 35, в. 90, № 2972/82, в. 95, № 3070/83, в. 94, № 3055/2.

такие книги библиотеки Н. А., как «Le cuisinier gascon», обещающую в предисловии «un choix judicieux des mets les plus exquis avec la manière détaillée de les apprêter»,¹ «Le parfait Cocher ou l'Art d'entretenir et conduire un Equipage en Ville et en Campagne»,² «Traité des feux d'artifice pour spectacle. Par M. F(resier) A Paris, 1747», или четырехтомное собрание одноактных комедий и opéras-comiques — «Théâtre de M. Fagan. A Paris, 1760»³ — очевидно, устраивались на праздниках самодельные фейерверки и ставились пьесы (в одном письме Лодыженский рассказывает об одной из таких постановок в его доме в Москве, где играли и дети Лодыженского, племянник и племянницы Н. А.). Об образе жизни Шахматовых дают очень живое представление записки Александра Пишчевича, офицера Ростовского карабинерного полка, который провел с полком 1792 г. и 1793 г. в Саратове и посвятил главу своих записок «веселостям саратовским». Как он пишет, «дни в неделе были разобраны лучшими в городе домами, в которые пополудни съезжались, занимались картами, а в вечеру начинались танцы, которые продолжались нередко гораздо за полночь. В Саратове пикировались тогда тем, у кого на бале больше собрания было, и у кого танцевали больше». В начале 1793 г., во время дворянских выборов, так как «балы были уже вещь обыкновенною», было дано «четыре сряду маскарада», на одном из которых Пишчевич появился в венциане черного атласа на розовой подкладке и мантилье прекрасного флэру, обложенной кружевом, оставив в лавке сарептянина свои последние червонцы. Не мудрено, что всякий день вводил его в новые долги, «деньги как приходили, так и расходились, и суммы большой в руках никогда не обреталось». Круг общества, описанный Пишчевичем, как раз тот, к которому по своему положению принадлежали Шахматовы, — Пишчевич упоминает один раз, что обедал у полковника Шахматова (одного из Артамоновичей).⁴

И размах хозяйственной деятельности и открытый образ жизни требовали средств. Жалованье Н. А. вместе с доходами с имений — по словам Авдотьи Григорьевны около 2 тыс. в год — совершенно не могли покрыть издержек. Надо было прибегать к кредиту — казенному или частному. Н. А. пользуется в широкой степени и тем и другим.

¹ В списке Е. А. Масальской-Суриной указан год издания 1767. В «Manuel du libraire et de l'amateur de livres» Врунлет помечены только два издания — 1740 г. и 1747 г., Amsterdam (Paris). Первое есть в Гос. Публ. Библиотеке в Ленинграде.

² В том же списке — 1764 г. В Публ. библ. им. Ленина есть 2-е издание этой книги — à Liege, 1777.

³ Экземпляры есть в Публ. библ. им. Ленина.

⁴ Жизнь А. С. Пишчевича, им самим описанная. Чтения в ОИДР за 1885 г., кн. II.

В разные месяцы 1774 г. Н. А. занял в Государственном банке, в Петербурге, 3 тыс. руб. под залог 150 д. м. п. в с. Хмелевке (12 II — 1100 р., 13 III — 500 р., 8 VII — 1000 р., 18 VIII — 400 р.). Судя по числам, эти займы нельзя связывать с пугачевским разорением августа 1774 г. — скорее со смертью Алексея Лукича в 1773 г., — но оно несомненно затруднило расплату долга, и в 1776 г. имение было описано. Однако конфискация не состоялась — долг был отсрочен.¹ Мне неизвестны другие займы Н. А. из центральных кредитных учреждений, зато кредитом местных учреждений он пользовался в широкой степени. Он занимает различные суммы (обычно — 1 тыс., реже 2 тыс.), и на свое имя, и на имя жены, и на имя своего друга П. И. Ханыкова, из Дворянской казны, Приказа общественного призрения, различных сумм Казенной палаты — «строельной» (отпущенной на постройку присутственных мест?), «царицынской городской», «квадратной церковной». Деньги давались под залог душ в различных имениях Шахматова, на сравнительно льготных условиях — из 5%, обычно на год, но затем уплата оттягивалась на ряд лет перепиской закладных. По смерти Н. А. за ним осталось казенных долгов на 6 тыс. р. — 4 тыс. р. — Казенной палате (залог 75 д. в Хмелевке и 25 д. в Чардыме), 1 тыс. р. Приказу общественного призрения (залог 25 д. в Хмелевке), 1 тыс. р. — Дворянской казне (залог 18 д. в Хмелевке). Все это были давние займы еще 80-х и начала 90-х гг., которые ежегодно пересрочивались. Но казенный кредит Шахматова совершенно не удовлетворяет, и он еще более широко пользуется частным кредитом. Сохранилось несколько известий, где Н. А. выступает в роли кредитора частных лиц. Но несравненно чаще попадаются известия о нем, как векселедателя. Мне известны 29 векселей, закладных и займов Н. А. без векселей и расписок² за время с 1778 по 1796 гг. на сумму 68.290 р. (в некоторых случаях к суммам займа причислены и проценты).³ Правда, две закладные на самые крупные суммы — В. А. Черткову на 20 тыс. р. и графиням Девиер на 10 тыс. р. — не были займами: как мы видели выше, они были даны при покупке имений в долг; но, с другой стороны, составленный список, особенно за 70-ые гг., несомненно неполон. Кредиторами Шахматова были частью саратовские и иногородние купцы (особенно спб. купец М. А. Устинов), частью сара-

¹ Фонд канцелярии конфискации, № 1139/24. Сведения даны мне Е. П. Подъяпольской.

² См. таблицу 5.

³ Список долгов Н. А. составлен по векселям, сохранившимся в Шахмат. архиве, вотчинным книгам Саратов. палаты гражд. суда за 1781—1799 гг., где записывались закладные, и по спискам долгов, составленным Авд. Григ. после смерти мужа. См. Шахмат. архив и Дела Саратов. палаты гражд. суда, оп. 4, вв. 60/2235 и 34/1150.

товские помещики и чиновники и их жены (после смерти Н. А. ряд векселей, выданных купцам, переписывается на имя саратовских чиновников и помещиков — здесь была очевидно дружеская услуга со стороны сослуживцев). Займы часто давались под залог душ (в момент смерти Н. А. было заложено 190 д. в различных имениях), закладывается дом в троицком приходе, яблонный сад на Ключах, мельница на речке Курдюме. Авдотья Григорьевна, уже после смерти мужа, закладывает бриллиантовые перстень и серьги, осыпанное бриллиантами кольцо, золотую табакерку, оцененные в 1100 р. В некоторых случаях можно уловить, каковы были проценты при частных займах. Так, в 1795 г. Н. А. дает сиб. купцу Устинову вексель на 5500 р. Срок указан годичный. Вексель по надписи переходит к ген.-майорше Гартог. В 1798 г. Авд. Григ. исчисляет свой долг «Гартоговой» в 6500 р. Очевидно, сумма займа была 5 тыс. р., которые были даны за 10%. Как можно заметить, такой размер процентов и был обычным. В том же 1795 г. Н. А. дает вексель поруч. П. С. Шевыреву на 4440 р. Срок опять годичный. Можно с уверенностью говорить, что 440 р. — проценты (11%), причисленные к сумме займа. Таким образом, условия частных займов были несравненно более тяжелы, чем казенных. В некоторых случаях можно объяснить и причину задолженности Н. А. 26 мая 1795 г. он покупает у графинь Девиер Архангельское-Аряш за 28.750 р., дает им закладную на 10.000 р., а остальные выплачивает. Несомненно с этой покупкой надо связывать заем 5 тыс. р. у Устинова и 4 тыс. р. у Шевырева первого и седьмого мая того же 1795 г. Десятитысячный долг графиням Девиер выплачивается в апреле 1796 г. — очевидно изыскивая средства на уплату, Н. А. дает в конце марта этого года трем лицам 4 векселя, каждый по тысяче рублей. Из известной мне суммы долга Н. А. в 68 тыс. р. до своей смерти в 1796 г. он уплатил более 35 тыс. р., осталось ко взысканию около 33 тыс. р., мелочных долгов около 1 тыс. р., да казенных долгов 6 тыс. р., всего более 40 тыс. р., а из 432 д. м. п., которые значились за ним по пятой ревизии, не менее 313 были заложены.

Таким образом, Н. А. оставил своей жене и сыну довольно тяжелое наследство. Авдотья Григорьевна пережила мужа всего двумя годами и за этот срок не могла конечно поправить его расстроенные дела. Правда, она уплатила около 10 тыс. р. по неотложным долгам Н. А., но прибегла к новым займам. Таким образом, задача восстановления расстроенного хозяйства Н. А. досталась опекуну маленького «Алексаши» — Петру Исаевичу Ханыкову, старинному другу семьи, который ее и выполнил. Но его эпоха относится уже к XIX в. и не служит предметом настоящей статьи.

ТАБЛИЦА 5.

Долги Николая Алексеевича Шахматова по векселям, закладным, распискам и без расписок.

№	Когда и где дано.	Кредитор.	Сумма займа.	Закладная или вексель.	Срок уплаты.	Когда уплачено.	Примечания.
1	1778 г., 1/II, Саратов.	Калабзаров, Никол. Ив., сарат. купец.	350 р.	Вексель.	По объявлению.	При жизни Н. А.	1/VIII 1780 г. вексель был протестован.
2	До 1783 г., 6/VII	Лачинов, капит. Воюг. пех. полка.	200 р.	»	?	6/VII 1783 г.	
3	1789 г., 25/II, Воронеж.	Чертков, Вас. Алексеев., ген.-поруч.	20.000 р.	Заклад — с. Бузовка Екатеринос. наместн. с 246 д. м. п.	6 лет.	май 1793 г.	Закладная была дана, очевидно, при покупке Бузовки в долг у дочери Черткова, Варвары Васильевны.
4	1790 г., 26/II, Саратов.	Гартог, Вас. Вас., сарат. коменд. и полковник.	1000 р.	Заклад — двор в троицк. прих., сад на речке Ключах.	11 мес.	До 28/II 1792 г.	
5	1790 г., 19/II, Саратов.	Шевырев, Петр Сергеев., поруч. артилл.	2000 р.	Заклад — 60 д. м. п. из 120 по 4 рев. в с. Хмелевке.	6 мес.	Уплач. при жизни Н. А.?	
6	1791 г., 15/IV, Полтава.	Котельников, Григ. Фед., полтавск. купец.	1000 р. асс.	Вексель.	5 мес.	17/IV 1793 г. поруч. Ив. Андр. Сушкову.	Вексель был написан к получению поруч. Ив. Андр. Сушкову.
7	1792 г., 22/IV, Саратов.	Бедняков, Андр. Лукич, сек.-майор.	1000 р.	Заклад — 25 д. лучших кр-н из 120 по 4 рев. в с. Хмелевке.	1 год.	май 1793 г.	
8	1795 г., 7/V, Саратов.	Шевырев, Петр Серг., поруч. артилл.	4440 р.	Заклад — 70 д. м. п. из числа 227 (об. п.), запис. по 4 рев. в с. Хмелевке.	1 год. Отсрочен с 7/V Авг. Григ.	При жизни Авг. Григ. уплач. 2000 р.	При пересрочке сумма займа указана в 4000 р. Очевидно, 440 р. годовые проценты (11 2/3%).
9	1795 г., 1/V, Саратов.	Устинов, Мих. Андриян., суб. 1-й гильд. купец.	5500 р.	Вексель.	12 мес.	При жизни Авг. Григ. не уплач.	Был переписан на имя ген.-майорши Авдотьи Гартог. В 1798 г. долг «Гартоговой» исчисляется уже в 6500 р. Очевидно, сумма займа 5000 р. при 10% годовых.

10	1725 г., 28/V, Саратов.	Девнер, Нат. и Ел. Ант., графини.	10.000 р. без проц.	Заклад — 100 д. м. п. в с-це Арханг.-Аряш Кузн. окр. Саратов. наместн.	11 мес.	Около 29/IV 1796 г.	Закладная была дана, очевидно, при покупке Аряша у гр. Девнер в долг.
11	1796 г., 13/III, Саратов.	Бельюков, Федор Семен., надов. сов.	1000 р.	Заклад — 15 д. из 132 по 5 рев. в с-це Арханг.-Аряш.	Не указ.	При жизни Авд. Григ. не уплат.	
12	1796 г., 24/III, Саратов.	»	»	»	1 год.	»	
13	»	Юнгер, Егор Томас., надов. сов.	»	15 д. м. п. из 110 по 5 рев. в д. Александровке-Чардым.	»	Уплат. Авд. Григ. 28/III 1798 г.	
14	1796 г., 26/III, Саратов.	Чесоводцев, Ст. Ив., сарат. купец.	100 р.	Вексель.	12 мес.	?	Вексель был написан к получению Егору Томас. Юнгеру.
15	1796 г., 28/III, Саратов.	Мансарев, Петр Филипп., кн., тит. сов.	1000 р.	Заклад — мучная мельница о 3-х поставах пониже д. Хлебювки.	1 год.	Уплат. Авд. Григ. до 9/XII 1797 г.	Уплачено было 1100 р., очевидно, 100 р. — 100/10 годовых.
16	1796 г., 22/X, Саратов.	Смирнов, Дей Ив., сарат. купец.	1000 р.	Вексель.	?	Уплат. Авд. Григ. 10/IV 1798 г. А. Л. Ведянку.	Поручителем по П. А. на векселе подписан надов. сов. А. Л. Бедянков, который и уплатил деньги, а сам протестовал вексель 17/VI 1797 г.
17	До смерти П. А. в де-кабре 1796 г.	Гаврилова, Марья Петр., тит. советница.	1000 р.	Заклад — 15 д. в с-це Арханг.-Аряш.	Срок уплаты поперсрочке 13/III 1798 г.	При Авд. Григ. не уплатен.	В другом случае долг исчисляется в 1300 р. Очевидно, 300 р. — проценты (не 10 ли проц. за 3 года?).
18	»	Кених, А., штаб-лекарь.	»	Вексель.	»	»	
19*	»	Горбунов, Осип, сарат. купец.	1900 р.	»	Срок уплаты (по пере-срочке?) 1/III 1798 г.	Авд. Григ. уплатила в 1797—98 гг. Гренбергу.	Вексель написан к получению Гренбергу, Христов., колл. асс. В док. 1797 г. сумма долга исчисл. иначе — 1800 р. Очевидно, здесь и сумма займа (1000 р.?) и проценты.

* И в этом случае и в следующем (1500 р.) и указываю сумму, назначенную к уплате в срок — 1/III и 9/III 1798 г. В документе от декабря 1797 г. суммы указаны меньше — 1800 р. и 1300 р. По моему предположению основная сумма займа — 1000 р., остальное постепенно нарастающие проценты.

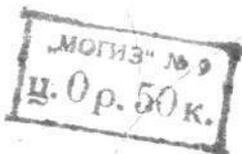
ТАБЛИЦА 5 (продолжение).

№	Когда и где.	Кредитор.	Сумма займа.	Заклад или вексель.	Срок уплаты.	Когда уплачен.	Примечания.
20	До смерти Н. А. в декабре 1796 г.	Устинов, М. А., слб. 1-й гильд. купец.	1500 р.	Вексель.	Срок уплаты (по пере-срочке?) 9/III 1798 г.	Уплач. Авд. Григ. до мая 1798 г. Неведьевой.	Вексель был написан к получению ген.-поручице М. С. Неведьевой. В дек. 1797 г. сумма долга исчисляется в 1300 р. Очевидно, здесь опять сумма займа — проц.
21	»	Зоргер, Софья, прेम.-майорша.	700 р.	»	4/III 1798 г.	При Авд. Григ. не уплач.	
22	»	Латухин, Семен Петр., сарат. купец.	4480 р.	»	Срок уплаты (по пере-срочке?) 5/III 1798 г.	»	Вексель был написан к получению прем.-майору Гартог. Сумма займа, очевидно, 4000 р, 480 — проценты.
23	»	Огарев, Ив., колл. сов.	5000 р.	»	»	»	В других случаях суммы долга иные — 5539 р., 5650 р., очевидно, с на-росшими процентами.
24	»	Ханыков, Петр Исавич.	500 р.	Без векселя и расписки.	»	»	В другом случае сумма долга — 650 р. (150 р. — проценты за 3 г.?).
25	»	Аристов, Гавр., колл. асс.	90 р.	»	»	Уплач. при жизни Авд. Григ. (?)	
26	»	Есипова, Татьяна Вас., девица.	200 р.	»	»	»	
27	»	Крылов, сарат. купец.	240 р.	По записной книге об отпуске в кредит товаров.	»	До 9/XII 1797 г. уплач. Авд. Григ. 140 р.	
28	»	Чесоводцев, сарат. купец.	203 р. 66 к.	За забранные в долг товары.	»	Уплач. при жизни Авд. Григ. (?)	
29	»	Устинов, М. А., слб. 1-й гильд. купец.	886 р. 58 к.			»	
		Итого . . .	68 290 р. 24 к.				

Такова была эволюция хозяйства Шахматовых на протяжении XVIII в. В ней есть черты, типичные для хозяйства помещиков Саратовского края — слабость вотчинного хозяйства в начале XVIII в. и увлечение торгово-промышленными операциями, переход к земледельческому хозяйству во второй половине XVIII в. и широкая колонизационная деятельность в последней четверти его. Но другие черты — изменение уклада жизни во вторую половину века, рост роскоши, напряжение хозяйственной деятельности и искания путей ее рационализации, которые не могут однако предотвратить растущей катастрофически задолженности, — выходят за рамки местных особенностей и могут привлечь внимание не только историков-краеведов.

E. KUŠEVA. LA PROPRIÉTÉ FONCIÈRE DES CHAKHMATOV, DE LA NOBLESSE
DE SARATOV, AU XVIIIe SIÈCLE

Октябрь 1929 г.

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный Секретарь академик С. Ольденбург

Оттиск из Известий Академии Наук СССР
по Отделению Гуманитарных Наук, 1929, № 7 и 8

52 стр.

Ленинградский Областлит №№ 40094 и 40659. — 3²/₈ печ. л. — Тираж 100
Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия 12

